

П О Ч Т А
Д У Х О В Ъ,

и л и

Ученая, Нравственная и Критическая переписка Арабскаго Философа *Маликулбмулка* съ водяными, воздушными и подземными духами.

Ч А С Т Ъ IV.

Съ дозволенія С. П. Б. Ценсурь.

Въ Санктпетербургѣ,
печатано въ Императорской Типографіи,
1802 года.



ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ

Инв. №

1854/2

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧАСТИ VI.

Письма къ волшебнику Маликульмульку.

Стран.

ПИСЬМО XXXIX. Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку, о томъ, что жилиши той земли, въ которой онъ, употребляющъ много денегъ на роскоши, проживающъ всѣ свои доходы на разное щегольство, и не оставляя ничего на содержаніе своего шюла, жалуясь, что хлѣбъ дорогъ и ищущъ обѣдовъ у своихъ пріятелей. - - - - - I

— XL. Отъ Емпедокла къ волшебнику Маликульмульку, о пріятной провождаемой имъ уединенной жизни, въ увеселительномъ Маликульмульковомъ замкѣ, подъ горою Ешною. - - - - - 19

— XLI. Отъ Ондина Бореидя къ волшебнику Маликульмульку, о путешествіи Непшуна со всѣмъ его водянымъ дворомъ по морскимъ сшепямъ. - - - - - 24

— XLII. Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку, о Француженкѣ, какое она давала наставленіе своему брату о вступленіи его въ учинельскую должность. - - - - - 64

— XLIII. Отъ Сильфа Свѣшовида къ волшебнику Маликульмульку, о видѣнныхъ имъ въ саду двухъ философахъ, за которыми онъ послѣдовалъ въ шракширь, и какіе шамъ слышалъ ихъ разговоры. 80

ПИСЬМО XLIV. Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку, о слышанной имъ похвалѣ нѣкошорому Государству. Описаніе сего Государства, стихами. Видѣнная имъ новая театральная пѣса. 87

— XLV. Отъ Еильфа Виспрепара къ волшебнику Маликульмульку, о бышѣи его въ столицѣ великаго Могола, гдѣ вошедши во дворецъ невидимкою, видѣлъ юнаго владѣтеля, которой въ шопъ день послѣ смерти отца своего вснунилъ на престолѣ - 103

— XLVI. Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку; разговоръ его съ прѣиселемъ, о нѣкошорой вновь вышедшей книгѣ. Есора Припрыжкина съ Вѣшродумомъ въ комнашахъ у акшрисы. 129

— XLVII. Отъ Ондина Борейда къ волшебнику Маликульмульку, о ѣздѣ на охоту Чепшуневой жены Еешиды, о разбившемся кораблѣ, съ котораго пошонулъ одинъ корыстолюбецъ оъ приязаннымъ на поясу ларчикомъ, наполненнымъ золошомъ. - 147

— XLVIII. Къ Емпедоклу отъ волшебника Маликульмулька, разсужденія о многихъ порокахъ людей нынѣшняго развращеннаго свѣта, и какъ нужно предостерегать молодыхъ не опытныхъ людей, чшобъ не попались они въ разскаваемыя имъ ухищренныя сѣщи. - - - 170

П О Ч Т А
Д У Х О В Ъ.

П И С Ь М О ХХХІХ.

*Отъ Гнома Зора къ волшебнику
Маликульмулку.*

Естьли бы случилось тебѣ, любез-
ный *Маликульмулкѣ*, быть въ здѣшней
землѣ: ты очень бы удивился, услыша
всенародное роптаніе на бѣдность.
Здѣсь всѣ жалуются, что нѣтъ де-
негѣ, отъ нищаго до миллионщика, и
отъ сторожей у старыхъ архивѣ,
даже до вельможей, приставленныхъ
у смотрѣнія откуповѣ и управленія
тяжебными дѣлами. Всѣ поскуютъ,
что живѣтъ нѣчемѣ; у всѣхъ недоста-
токѣ въ необходимости, и всѣ гово-
рятъ, будто приближается послѣдній

вѣкѣ; а я такъ думаю, что свѣту преспавленіе давно уже было, и что люди всѣ померли, а остались однѣ только машины, которыя думаютъ, будто онѣ дѣйствуютъ, какъ между шѣмъ самая малѣйшая неодушевленная вещь приводитъ ихъ въ движеніе; но всего страннѣе, что они жалуются на судьбу въ томъ, въ чемъ сами виноваты; они ропщутъ на богатство прежнихъ временъ и негодуютъ на бѣдность настоящаго. Каково бы тебѣ показалось, что есть здѣсь люди, которые почитаютъ необходимою прожить въ годъ двѣсти тысячъ рублей, хотя знаменитые люди древнихъ вѣковъ, каковъ былъ *Публикола* и прочіе, проживали во сто разъ меньше и не жаловались на свою бѣдность.

Говорятъ, будто здѣшніе жители за 200 лѣтъ назадъ не жаловались на свою бѣдность и почитали себя богатыми, доколѣ Французы не располковали имъ, что у нихъ нѣтъ ничего

нужнато, что они непохожи на людей, пошому что ходящѣ пѣшкомѣ, пошому что у нихѣ волосы не засыпаны пылью, и пошому что они не плащящѣ по двѣ тысячи рублей за вещь стоящую не больше ста пятидесяти рублей; какѣ то дѣлають многіе просвѣщенные народы. Жители здѣшніе услыша это усмыдились, что они не просвѣщены: спали отдавать Французамѣ множество денегѣ за бездѣлицы: заставили себя возить въ ящикахѣ такѣ, какѣ возящѣ на продажу деревенскіе мужики курѣ: засыпали головы свои мукой, и теперь думаютѣ о себѣ, что они въ просвѣщеніи перецеголяли всѣхѣ Европейцовѣ.

И такѣ здѣшній житель, которой почищаетѣ себя важнымѣ въ большемѣ свѣтѣ, желая сохранить сію важность, несетѣ свой годовой доходѣ, состоящій изѣ трехѣ тысячѣ рублей, въ лавки, плащя шесть сотѣ рублей за кузовѣ, въ которомѣ протаскають его не болѣе одного года;

тысячу двѣсти рублей отдаетъ за хорошія Аглинскія и Французскія матеріи на плашье; на девять сотъ рублей покупаетъ пряжекъ, цѣпочекъ и другихъ подобныхъ симъ необходимостей; а послѣдніе пристра рублей отдаетъ парикмахеру Французу, и не оставя денегъ на столъ, жалуется, что хлѣбъ дорогъ, и ищетъ обѣдовъ у своихъ пріятелей. Такимъ-то образомъ богатый помѣщикъ преобразуетъ свой хлѣбъ и своихъ крестьянъ въ модные товары; а Французы имѣютъ искусство дѣлать сіи товары такими, чтобъ преобращались они черезъ мѣсяцъ въ ничто: и такъ мудрено ли, что здѣсь недостатокъ въ хлѣбѣ; ибо надобно, по крайней мѣрѣ, четыре куля муки, чтобъ преобразить ихъ въ посредственную Аглинскую шляпу, и надобно десять жупей, чтобъ имѣть простыя серебряныя на ногахъ пряжки. Съ начала хотя это и дѣлало вредъ щеголямъ: однакожь тогда хлѣбъ раздѣлялся по

народу, и господа недовольны были только тѣмъ, что надобно было много имѣть труда и терпѣнія, чтобы дожидаться нѣсколькихъ тысячъ кулей, дабы превратить ихъ въ пуговицы и кружева: Французы наставили ихъ наконецъ на умъ, и научили не одинъ только хлѣбъ, но и людей превращать въ модные товары. Послѣдую сему премудрому наставленію, молодой помѣщикъ мало помалу убавляетъ у себя хлѣбопашцевъ, промѣниваетъ ихъ на модные товары, или превращаетъ въ волосочесовъ и поршнихъ, отъ которыхъ надѣется доставать болѣе денегъ: и такъ, лучшіе люди отнимаются съ полей, на коихъ оставляются только старые и малолѣтные, мѣняются на разные бездѣлки, а достальные вмѣсто того, чтобы доставать хлѣбъ изъ земли своими руками, за каретами и въ переднихъ у своихъ господъ, ждутъ спокойно, пока ихъ накормятъ. Просвѣщенные люди нынѣшняго вѣка

дивяшся невѣжеству своихъ предковъ: къ чему старались они наполнять свои житницы хлѣбомъ и содержать хорошо своихъ крестьянъ; напротивъ того, сами стараясь загладить ихъ погрѣшности, пекушся только о томъ, чтобъ имѣть у себя болѣе кафтановъ, и не инымъ чемъ думаятъ лучше доказать свое просвѣщеніе, какъ промотавъ въ шесть лѣтъ то, что предки ихъ въ нѣсколько десятиковъ лѣтъ скопили. Французы удивляются ихъ просвѣщенному вкусу, смѣются имъ въ глаза и собираютъ съ нихъ деньги. Сии Французы очень хитры, и довели наконецъ до того, что почти всякой изъ здѣшнихъ жителей мучится совѣстію и почитаетъ за стыдъ, если не отнесетъ ежегодно къ Французамъ три четверти своего дохода, и пятую часть всего своего имѣнія.

Тебѣ странно, можетъ быть, покажется, какимъ образомъ принудили они здѣшнихъ жителей, не объявляя

имѣ войны и не имѣя никакихъ къ тому правъ, платить себѣ толь тяжкую подать, какой не собиралъ *Римъ* съ своихъ подвластныхъ народовъ, во время корысполюбивѣйшихъ своихъ правителей. Но это политическое покореніе здѣшнихъ жителей Французами толь хитро произведено въ дѣйство, что и я, бывши здѣсь, не могу сего разобрать подробно: нѣкоторые однакожь случаи и обхождение съ Французами подають мнѣ о томъ слабыя мнѣнія, и мнѣ хочется только тебѣ, любезный *Малышъ*, представить ихъ на разсужденіе.

Желая закупить *Прозертинѣ* модныхъ уборовъ, зашелъ я недавно во Французскую лавку къ славнѣйшей здѣшней обманщицѣ. По обыкновенію своему она хвалила мой вкусъ въ выборъ вещей, въ которыхъ, признаюсь, не находилъ я никакого толку: а я игралъ передъ нею лице деревенскаго дворянина, которымъ по большей

части показываю я себя для того, чтобъ люди, видя меня подъ такимъ покровомъ, менѣе осперегались, и я бы имѣлъ болѣе случая ихъ узнавать. Каковъ этотъ тюрбанъ? спросилъ я у Француженки. — Государь мой! сказала она съ восхищеніемъ, вы ни на что дурное не покажете: вамъ все то нравится, что прекрасно; вы конечно недавно возвратились изъ Парижа, что имѣете вкусъ столь сходный со вкусомъ тамошнихъ жителей. — Нѣтъ, сказалъ я, я недавно приѣхалъ изъ деревни и къ родственницамъ моимъ хочу послать нѣсколько уборовъ: мнѣ хочется въ этомъ случаѣ попросить твоего совѣта. — Француженка сдѣлала мнѣ торделивой поклонъ и зачала передо мною вновь перебирать разные уборы. Я сударь не знаю, говорила она, какихъ лѣтъ ваши родственницы; однакожь вы увидите, что моя лавка можетъ награждать недоспапки каждого возраста; начнемъ по старшинству: вошъ,

напримѣръ, прекрасный покоевый чепецъ; онъ можетъ быть подпорою вашей бабушкѣ, естли она у васъ есть: пусть только надѣнетъ она его на себя, то сей чепецъ закрывши половину ея лица и глазъ, закроетъ половину ея лѣтъ: прибавте еще къ сему нѣсколько румянъ, хорошее шнурованье и пышную косынку, то она можетъ легко найти себѣ обожателей; а естли еще прибавишь, сказала она поклонясь, пятьдесятъ тысячъ рублей наличными деньгами, то и женихи къ ней сыщутся. . . . Вотъ, сударь, еще соломенная шляпка; красавицы, у которыхъ дурны глаза, а особливо шѣ, которыя подъ ними носятъ знаки своего усердія къ Циперской богинѣ, разбирающѣ у меня сотнями такія шляпки, и прикрывая ими глаза и носъ оставляющѣ любопытнымъ видѣть одинъ только подбородокъ, красотою коего, шакъ же и улыбкою прелестныхъ своихъ устъ, могутъ привлекать онѣ къ себѣ толпу обожателей.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ было здѣсь варварское обыкновеніе, что женщины вступая въ собраніе не имѣли способовъ себя сокрыть: лица ихъ были открыты, и онѣ такъ плотно были оберчены въ плащъ, что недостатки и погрѣшности въ красавицахъ съ перваго на нихъ взгляда всматривались; но благодаря просвѣщенію нынѣшняго вѣка, онѣ выдумали теперь способъ, бывъ въ собраніяхъ видѣть тамъ всѣхъ, а самимъ не быть никѣмъ видимыми, или показывать публикѣ только то, что онѣ у себя почитаютъ совершеніе, и чѣмъ болѣе къ себѣ стараются привлечь обожателей; однакожь со всѣмъ тѣмъ здѣшнія женщины такъ не благодарны, что не рѣдко бранятъ насъ Француженокъ, будто мы имъ такіе способы продаемъ очень дорого: но посудите сударь, справедливы ли ихъ на насъ ропнанія, и сколь много онѣ намъ обязаны.

Дѣвушки, которыя имѣютъ справедливыя свои расчёты скрывать свой станъ, съ коимъ иногда могутъ подозрительны показаться въ собраніяхъ, приходящъ къ намъ и берущъ у насъ себѣ долгой салонъ, которой скрывая всѣ ихъ недоспапки, оставляя видѣть одно только прекрасное ихъ лице: сами родили ихъ не знаютъ ихъ состоянія, и не рѣдко та, которая прогуливается въ такомъ салонѣ, потупя свои прекрасные глаза, считающаяся цѣломудренною и неприступною *Весталкою*, хотя она во всѣхъ собраніяхъ ходитъ самъ-другъ, или самъ-третей. И такъ, сударь, съ нашею помощію старушки чепцами закрываютъ у себя половину лѣтъ, молодыя женщины закрываютъ недоспапки своихъ глазъ и носовъ; а молодыя дѣвушки дѣлаются невидимыми и сокрываютъ, что онѣ сколько же знаютъ, сколько ихъ мапушки. Вотъ сударь, сколько мы нужны въ самыхъ необходимостяхъ; но чтожъ!

если говорить о щегольствѣ, то я должна бы была васъ задержать у себя три дни, когда бы захопѣла рассказывать обо всѣхъ вспомошествованіяхъ, какихъ ищущъ у меня женщины, чтобъ умножить красоту свою и придать молодымъ болѣе пышности, а пожилымъ пріятствъ. Мы поправляемъ несовершенства всѣхъ родовъ: волосы, зубы, хорошій станъ, прекрасную ножку, прелестную грудь; однимъ словомъ, все можно доспавъ моею помощію: и безъ чесплюбія сказать, я ипорая мать модныхъ женщинъ, потому что перерождаю изуродованныхъ природою и своимъ поведеніемъ красавицъ. Признаюсь, что бывая на гуляньяхъ всегда съ восхищеніемъ смотрю я на множество прелестныхъ дочерей, которыя мною живутъ въ большемъ свѣтѣ, и какихъ никогда не удастся произвести природѣ: и такъ не должны ли сіи дочери мнѣ, какъ матери своей, жертвовать своими деньгами и своею

благодарностию. Я сударь говорила это для того, чтобъ вы познавъ свойства разнаго рода уборовъ, выбирали потому сходныя для вашихъ родственницъ.

Она хотѣла еще долѣе продолжать свои прекрасныя описанія, какъ вдругъ вошелъ въ лавку Французъ въ изодранномъ платьѣ, и кинулся къ ней на шею. А! любезная сестрица, вскричалъ онъ, я еще тебя вижу. — А! любезной братъ, вскричала Француженка, ты еще живъ, небо обрадовало меня твоимъ присутствіемъ; но ты весьма въ худомъ состояніи. — Надобно мнѣ съ тобою о многомъ переговорить, отвѣчалъ онъ. Послѣ сего Француженка опложила мнѣ съ поспѣшностію свои уборы, и я отдавъ ей деньги обѣщалъ черезъ часъ за ними зайти; но вышедши за дверь сдѣлался невидимымъ и воротился въ лавку, любопытствуя узнать о тѣхъ важностяхъ, которыя хотѣлъ рассказывать Француженкѣ ея братъ.

Любезная сестра! говорилъ ей Французъ, какимъ образомъ выплелась ты изъ смиренняго дома? — Я удовольснвую свое любопытство, сказала ему сестра; но скажи мнѣ напередъ, какъ ты выскочилъ изъ *Бастилли* и увернулся отъ висѣлицы, которую уже давно Французская полиція приговаривала въ награжденіе за твои добрыя дѣла? — Наконецъ по нѣкоторомъ спорѣ, кому изъ нихъ первому зачинать свое повѣствованіе, Французъ началъ сими словами.

Тебѣ извѣстно, любезная сестра, что я за разные обманы и плутовства получилъ уже орденъ на плечѣ и былъ очень худо оппошчиванъ полиціею; однакожь чувствуя въ себѣ отважный духъ, ибо по необходимости не могъ я сдѣлаться такимъ плутомъ, коего бы плутовство уважала полиція, рѣшился я продолжать свое карманное ремесло, и наконецъ, какъ тебѣ извѣстно, попался въ *Бастиллю*, въ то самое время, какъ тебя опвели

въ *сличительной* домъ: правитель-
ство приговорило, что бы я укра-
силъ собою Парижскія висѣлицы; но
я припворясь больнымъ, умѣлъ уго-
ворить своего надзирателя, чтобъ
онъ дозволилъ мнѣ съ собою про-
гуляться на верхнихъ площадкахъ,
гдѣ пролома ему голову ключами, спу-
стился въ низъ по тоненькой вере-
вочкѣ, и хотя оборвавшись лежалъ
съ полчаса мертвымъ; однако уплеся
поскорѣе отъ столь опаснаго для меня
мѣста. Послѣ сего мнѣ уже не было
болѣе никакого способа остаться въ
Парижѣ, ибо я сшоль коротко позна-
комился съ полиціею, что многіе въ
лицо меня знали. Я прибѣгнувъ въ
семъ случаѣ къ моимъ товарищамъ и
они присовѣщивали мнѣ бѣжать въ
сіе Государство, гдѣ многіе честные
люди нашего ремесла сыскиваютъ
себѣ хлѣбъ и бывають въ великомъ
уваженіи. Слѣдую сему совѣту, я
уплеся кое какъ, не имѣя ни полушки
денегъ, и для того, что бы поддер-

жашь мое путешествованіе, на дорогѣ бывалъ я въ иныхъ практикахъ маркетромъ, индѣ убиралъ волосы, а въ иныхъ мѣстахъ дѣлался искуснымъ въ физикѣ, и представлялъ опыты моего въ ней познанія: женщины мнѣ покровительствовали; но Поляки чуть меня не изрубили за сіе искусство саблями, а Германцы едва не застрѣлили изъ пистолета; однакожь со всѣмъ тѣмъ, наконецъ доплелся я сюда и увидя первую Французскую лавку вошелъ, ожидая себѣ, какъ земляку, нѣкоторой помощи, и небо дало мнѣ тушю увидѣть тебя любезную сестру! тебя, которую давно уже почиталъ я посланною правительствомъ въ Америку, что бы стараться тамъ о размноженіи человеческого рода. Я съ радостию вижу, что ты здѣсь находишься въ такомъ состояніи, которому бы и въ новомъ свѣтѣ теперь позавидовали: ахъ! еслибъ и я не умеръ здѣсь съ голоду.... — но что мнѣ дѣлать! я

не знаю никакого ремесла, чѣмъ бы могъ себя пропитать. — Не печалься объ этомъ, любезной братъ! перехватила рѣчь его добродушная сестра, я приищу тебѣ выгодное мѣсто: вступи въ училище, это такое званіе, которымъ многіе изъ твоей братьи вѣчной хлѣбъ себѣ нажили. — Какъ! сказалъ Французъ, мнѣ въ училище!... сестра! ты знаешь, что я не только Морали и науки преподавать; но даже и Французскія книги читать неспособенъ. Бездѣлица, любезный другъ, вскричала Француженка, бездѣлица, довольно что ты Французъ, что бы заставить здѣсь тебя почитать знающимъ: послѣ завтра представлю я тебя къ одной вдовѣ, и ты вѣрно будешь хорошо принятъ, помни только мои наставленія; будь важенъ, показывай отвращеніе ко всему, что увидишь въ домѣ сдѣланное не по Французскому вкусу, и чаще наказывай дѣтей за то, если они не почувствуютъ склонности

къ щегольству и къ нашимъ уборамъ, что долженъ ты называться опрятнымъ. Главное твое правило будетъ состоять въ томъ, что бы учить ихъ лепетать и кланяться по французски: и какъ скоро достигнешь ты до этого совершенства, то родишеля почтунъ себя счастливыми; тебя назовунъ мудрецомъ, а дѣшей своихъ станунъ вознъ на показъ по городу. Но койдемъ ко мнѣ въ комнаты, пересѣнься и гоповься вснупишь въ такую прекрасную должность, отъ которой я приѣхавши сюда получила свое состояніе: а доспальныя наспавленія дамъ тебѣ при всступленіи твоемъ въ сіе званіе. Вотъ въ чемъ замыкались поученія Француженки, и мы скоро увидимъ, любезный *Матиккутукъ*, какимъ образомъ поступишь нашъ учитель и какой чести будемъ удоспоенъ бѣжавшій изъ *Бастилии* Французъ.

П И С Ь М О X L.

*Отъ Елпедокла къ волшебнику
Маликулбмулку.*

Признаюсь тебѣ, почтенный *Маликулбмулкѣ*, что безумное мое стремленіе о приобрѣтеніи пустой славы не только не принесло бы мнѣ никакой пользы; но обратилось бы къ мучительнѣйшему наказанію за мое тщеславіе, естли бы дружба твоя мнѣ не вспомошествовала и не избавила бы меня отъ совершенной гибели. Повергшись въ огненную пучину, начиналъ уже я чувствовать жестокость сей стихіи и проклиналъ свое безуміе, какъ рука твоя извлеки меня изъ оной, неожиданно преселила въ пріятнѣйшее жилище, гдѣ нашелъ я всѣ нужныя для себя выгоды, какихъ ожидать никогда бы не осмѣлился. Я чрезвычайно доволенъ уединенною моею жизнію въ пивомѣ увеселительномѣ домѣ подъ горою *Дитною*:

здѣсь удалась отъ шумнаго и безпокойнаго свѣта, препровождаю блаженныя дни. Чтеніе хорошихъ книгъ въ твоей библіотекѣ составляетъ первѣйшее мое упражненіе; а прогулка по твоему саду наилучшая моя забава. Я удаленъ отъ всего, что могло бы возмутить мое спокойство; никакая слава болѣе уже меня не прельщаетъ; насмѣхался всѣмъ человѣческимъ глупостямъ, безъ всякаго помѣшательства могу я прилагать попеченіе о изощреніи моего разума и посвящать всѣ часы моей жизни изученію полезной Философіи; одакожь за долгу поставляю признательно тебѣ сказать, почтенный *Маликулъмулкъ*, что читая многихъ древнихъ и новыхъ Авторъ, писавшихъ о различныхъ родахъ человѣческаго безумія, которое хотя и можно иногда извинить нравами и обычаями нѣкоторыхъ народовъ, часомъ вхожу въ размышленіе о снражности разума человѣческаго: я почти начинаю думать, что нѣтъ на

свѣшѣ ни одного человѣка, выключая
тебя, почтенный *Маликульмулкѣ*,
истинно мудраго. Когда я говорю
истинно мудраго, шо подѣ симѣ сло-
вомѣ разумѣю, что каждый почитаю-
щійся мудрымѣ являлѣ въ себѣ нѣ-
что такое, что можно назвать глупо-
стію. Многие ученые были увѣрены
въ сей истинѣ, и утверждали оную въ
своихѣ сочиненіяхѣ. Славный *Делро*
написалѣ, что человѣкѣ есть глупѣй-
шій и достойнѣйшій смѣха изѣ всѣхѣ
животныхѣ (*); но мнѣ кажется,
что Авторы, писавшіе о странности
и непостоянствѣ человѣческаго разу-
ма, входили въ изслѣдованіе сего
предложенія недовольно философ-
чески, и судили объ одной только

(*) Изѣ всѣхѣ животныхѣ, что на воздухѣ
лепаютѣ,
Что плаваютѣ въ водахѣ и землю насе-
ляютѣ,
Хоть Западѣ, Югѣ, Востокѣ и Сѣверѣ
обойдемѣ;
Но человѣка мы глупѣе не найдемѣ.
Делро, Сат: VIII.

поверхности; а желательно бы было, чтобы они входили въ обстоятельную подробность. Хотя бы и не хотѣли они изслѣдывать всѣ различныя состоянія людей, но вникали бы въ одно только состояніе ученыхъ и философовъ, то и тогда могли бы примѣнить, сколь далеко простирается слабость человѣческаго разума; ибо онъ часто бываетъ подверженъ многимъ несовершенствамъ и въ то время, когда кажется бытъ возвышеннымъ до самой высочайшей степени. Когда открываешься очень много пороковыхъ склонностей и непостоянствъ въ *Картези*, въ *Лейбницѣ* и въ другихъ подобныхъ имъ мужахъ, науками себя столько прославившихъ: то надлежитъ ли удивляться, находя сѣ пороки въ людяхъ никакими познаніями непросвѣщенныхъ, или въ пенемепрахъ и вершопрахахъ нынѣшняго вѣка? Ежели ученые мужи, признаваемые изъ всѣхъ людей совершеннѣйшими, подвергаются многимъ до-

стойнымъ осмѣянія погрѣшностямъ; то чего же должно требовать отъ тѣхъ, которые почищаются отъ всѣхъ достойными презрѣнія? — И такъ, почтенный *Маликульмулкъ*, я не безъ основанія полагаю, что разсмапывая непостоянство разума человѣческаго, по поступкамъ двухъ или трехъ мужей прославившихся ученыхъ мужей, можно бы было приобрести болѣе успѣха въ познаніи всѣхъ людей вообще, нежели безъ всякаго разсмотрѣнія прилѣпляться къ описаніямъ безчисленнаго множества глупостей и сумасбродствъ, которыя хотя и справедливо Писателями были осуждаемы; но собраны безъ точнаго изслѣдованія и доказательствъ.

Какого бы великаго духа особу ни избрать, въ каждой непременно усматривается довольно погрѣшностей, почему и можно смѣло утвердить, что разумъ человѣческой достопинъ болѣе жалосин, нежели удивленія.

Возьмемъ въ примѣръ двухъ знаменитыхъ Философовъ: одного древняго, а другаго новаго, и рассмотримъ ихъ главнѣйшія дѣла и поступки. Начнемъ прежде *Аристотелемъ*, и потомъ обратимся къ *Лейбницу*.

Сей знаменитый Логикъ, будучи первымъ наставникомъ людей въ здоровомыслии, между многими своими умсловіями предлагалъ такъ же пустыя и вздорныя басенки. Сколько нелѣпыхъ, со всѣмъ ложныхъ, и безполезныхъ сказокъ помѣстилъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ! И такъ тотъ, кто принималъ на себя столь много труда для наученія людей здоровому разсудку, требовалъ самъ въ тысячу разъ болѣе вспоможенія, которое надѣялся предлагать другимъ, и погрѣшалъ непрощительно противъ правилъ самимъ имъ предписанныхъ. Если же захотѣвъ видѣть еще сего убѣдительное примѣръ слабости и непостоянства человѣческаго разума, то войдемъ въ изслѣдованіе природ-

ныхъ свойствъ *Аристотелевыхъ*. Онъ называлъ себя философомъ, и былъ въ самомъ дѣлѣ таковымъ; однакожь не менѣе другихъ любилъ богатство: и самый корыстолюбивый купецъ, который отъ утра до вечера непрестанно занимается попеченіемъ о своей торговлѣ, не столько бы могъ превозносить оное похвалами. По мнѣнію *Аристотеля* одно только богатство составляетъ все то, что можетъ назваться здѣсь совершеннымъ благомъ. *Лукіянъ* справедливо насмѣхался столь ложному *Аристотелеву* умозаключенію, и правилу столь противному не только истинной мудрости, но даже естественному разсудку. Онъ упрекаетъ чрезъ *Діогена* сему философу, что онъ то говорилъ единственно для того, дабы имѣть благовидный предлогъ удовольствовать свое сребролюбіе и просить себѣ у *Александра* всего того, чего получить отъ него надѣялся.

Естьли *Аристотель* любилъ столько богатство, то не менѣ того прилѣпленъ былъ къ ложной славѣ: я называю ложною славою ту, которая не приобретается позволенными и честными способами. Дабы люди вѣрили, что его мнѣнія были основательнѣе и разумнѣе всѣхъ другихъ философовъ, онъ предлагалъ имъ оныя спольвздорно и нелѣпо, что тому надлежало бы быть столько же безумну, сколько онъ былъ лживъ, еслили бы кто совершенно удостоверился, что сии философы дѣйствительно тѣмъ мнѣніямъ его послѣдовали и сообразно имъ поступали. Вотъ какая была слабоснь въ человѣкѣ споль великаго и высокаго духа!

Неблагодарность была такъ же свойственною и природною погрѣшностію въ *Аристотелѣ*. Сей философъ, долженствующій болѣе другихъ познавать всю гнусноснь сего порока, предавался оному совершенно. Онъ никогда не упускалъ случая оскор-

блать какъ сочиненія, такъ и самаго *Платона*, которому былъ обязанъ всѣми своими познаніями, коими только прославился. И такъ, можно ли послѣ сего удивляться, что въ нынѣшнемъ свѣтѣ, многіе хотя довольный разумъ имѣющіе люди, но въ природныхъ своихъ дарованіяхъ далеко не равняющіеся съ *Аристотелемъ*, и коихъ можно бы было почестъ противъ его совершенными невѣждами, оскорбляють своихъ благодѣтелей, позабывая всѣ ихъ прежнія благодѣанія; и что нынѣ всякое оказанное благодѣаніе помнится только нѣсколько дней послѣ его полученія, и благодѣтель дополъ только уважается, доколѣ есть еще надежда имѣть въ немъ впредь какую либо нужду; но коль скоро въ немъ нужды никакой уже не будетъ, то не только престаешь оказывать къ нему уваженіе, но даже и имя его предаешь забвенію. Въ нынѣшнія времена, почтенный *Маликульмулькъ*, есть много

такихъ примѣровъ. Можно ли, повторю я, сему удивляясь, когда *Аристотель*, будучи одаренъ всѣми наилучшими дарами природы, предавался сему гнусному пороку до такой крайности, и старался всячески оскорблять *Платона* и повреждать его славу. Послѣ сего не должно ли ожидать, что люди обыкновенные могутъ достигать въ семъ пороку до чрезвычайности, и не должно ли почувствовать нѣкоего презрѣнія къ человѣческому разуму, только прославляемому полу-учеными, который кажется весьма жалкимъ для тѣхъ, кои усматриваютъ всю его слабость.

Всякой разъ, когда размышляю я, почтенный *Маликульмулкъ*, о поведеніи многихъ великихъ мужей, не могу воздержаться, чтобъ не почувствовать нѣкопорого смятенія, взирая на свое бѣдственное состояніе, и едва не-дохожу иногда до того, что желаю себѣ участи несмысленныхъ животныхъ, и согласился бы

охотно промѣнять свой разумъ, всегда колеблющійся и подверженный непреодолимымъ слабостямъ, на ихъ врожденное побужденіе, которое никогда не премѣняется и управляется природою. Невѣжды или люди посредственного ума, непрестанно превозносятъ другъ друга въ великихъ дарованіяхъ, полученныхъ ими отъ природы; но имѣющіе болѣе просвѣщенія, мыслятъ о немъ подобно *Даскалю* и почитаютъ справедливымъ то, что онъ сказалъ: „видя бѣдственное ослѣпленіе въ челоѣкѣ, удивительныя „противуположности, открывающія „ся въ его свойствахъ, и взирая на „всю безмолвную природу и на челоѣка лишеннаго просвѣщенія, преданнаго своимъ слабостямъ, и какъ „бы блуждающаго въ маломъ уголкѣ „вселенной, не вѣдая: кто его туда „поставилъ? за чемъ онъ туда пришелъ? и что случится съ нимъ по „смерти? я прихожу въ ужасъ подобно челоѣку, котораго спящаго

„принесли бы на пустой и спрашной
 „островъ, и копорый пробудившись
 „не зналъ бы, гдѣ онъ, и не находилъ
 „бы никакого способа изъ острова
 „выйти. Разсуждая такимъ образомъ,
 „весьма удивляюсь, какъ человѣкъ
 „безъ содроганія можетъ взирать
 „на столь бѣдственное свое со-
 „стояніе! „

Богъ, почтенный *Малликуллалъ*,
 когда и самый высочайшій разумъ по-
 слѣднихъ вѣковъ не могъ безъ ужаса
 взирать на свое бѣдственное состо-
 яніе, и былъ пораженъ удивленіемъ,
 открывая противоположности, непо-
 споянство и слабости въ своей при-
 родѣ, починая ее соборіемъ всѣхъ
 бѣдствій: но можно ли послѣ онаго
 людямъ обыкновеннымъ взаимно другъ
 друга превозносить похвалами въ при-
 родныхъ своихъ дарованіяхъ, въ пре-
 восходномъ разумѣ и просвѣщеніи?
 Такіе люди чпо могли бы сдѣлать
 со всѣми своими посредственными
 дарованіями, которыя ничего не зна-

часть въ сравненіи съ *Паскалемъ*, когда и ему тѣ высочайшіе дары, коими онъ щедро былъ награжденъ отъ природы, казались досшойными презрѣнія? Сей ученый мужъ, почитая участь смертныхъ столь бѣдственною и несчастною, полагалъ, что естли бы не имѣли они въ жизни своей другихъ причинъ къ скукѣ, то конечно совокупились бы собственнымъ своимъ существованіемъ.

Теперь возвратимся опять къ слабостямъ *Аристотелевымъ*. Удостоверяюсъ, что онъ былъ изгнанъ изъ своего отечества за то, что приносилъ жертвы своей наложницѣ, и въ честь ея сочинилъ *Гимнъ*. Можно ли далѣе сего простереть безуміе? И самый глупѣйшій вершопракъ нынѣшняго вѣка дѣлалъ ли что нибудь сему подобное? Я не нашелъ ни въ одной книгѣ изъ твоей библіотеки, чпобъ и въ Парижѣ дѣлали такое богошвореніе бывшимъ тамъ славнѣйшимъ кокеникамъ, и никто не сочи-

нялъ въ честь ихъ Гимна: можетъ быть сочиняли какія нибудь любопытныя прѣсенки или мадригалы; но естьли какое сравненіе между Гимномъ и Мадригаломъ?

И такъ, когда *Аристотель* воздалъ божескую честь своей наложницѣ и сочинилъ въ честь ея священные стихи: то можно ли послѣ сего удивляться, видя въ нынѣшнемъ свѣтѣ многихъ знаменитыхъ вельможъ, обожающихъ театралныхъ дѣвокъ и распочающихъ для нихъ великія сокровища? Безъ всякаго сомнѣнія будущъ осужданъ такое безуміе; но самое сіе не доказываетъ ли, какимъ великимъ слабосніемъ подверженъ человѣческій разумъ, и какихъ слѣдствій ожидать должно отъ его непостоянства. Естьли въ прежніе вѣки сіе случилось въ Греціи, то не можетъ ли то же самое случиться въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ.... въ.... и въ другихъ мѣстахъ? Не уже ли нынѣ люди сдѣлались разумнѣе? — Конечно, нѣтъ. — Болѣе ли

они просвѣщены *Аристотеля*? — Безѣ сомнѣнія гораздо меньше. — Умѣюшѣ ли они лучше пропивоборствовать страстямъ своимъ? — Нѣшѣ, почтенный *Маликульмуллахъ*, они и нынѣ такъ же предаются имъ безѣ всякаго сопротивленія. Свойство людей нимаю не переѣнилось: и ешѣли нынѣ не видно, чѣобѣ дѣлали они такія же глупости, какія сдѣлаѣ *Аристотель*, то это, можетѣ быѣ, онѣ того, что никому не случилось быѣ вѣ подобныхъ положеніяхъ. И вѣ нынѣшній, такъ называемый просвѣщенный вѣкъ, люди такъ же безумны, вѣтрены, непостоянны, сварливы, скупы, горды и тщеславны; какимъ бы высокимъ разумомъ они одарены ни были, никогда не могутѣ себя защитить онѣ многихъ пороковъ. Посмотримъ еще сему доказательство вѣ большемъ изслѣдованіи свойствъ *Лейбницевыхъ*.

Онѣ имѣѣ столько же разума, какъ *Аристотель*, и преисполненѣ былѣ великимъ же тщеславіемъ. Онѣ

говори́лъ самъ о себѣ такими выра-
 женіями, ко́торыя показывали въ немъ
 самую величайшую, и можно сказа́тъ,
 самую смѣшную гордость. „Мнѣ не
 „было еще пятнадцати лѣтъ онъ
 „роду, говори́тъ онъ, какъ препрово-
 „дилъ я цѣлые дни въ изысканіи слу-
 „чая, чѣмъ занять мѣсто между
 „*Аристотелемъ* и *Демокритомъ*. Не
 „болѣе какъ двенадцать лѣтъ тому,
 „какъ совершились мои желанія и я
 „достигъ наконецъ до совершеннаго
 „доказательства о дѣйствіи веществъ,
 „которыя, какъ казалось, прежде не
 „являли къ тому ни малой способно-
 „сти. Опыты, дѣлаемые мною со-
 „вершеннымъ особливымъ образомъ, могутъ
 „быть доказаны яснѣе, нежели по-
 „дѣлано было другими въ арифмети-
 „ческихъ и геометрическихъ задачахъ;
 „хотя сіе превосходитъ всякое во-
 „ображеніе.

Можно ли распространить далѣе
 сего надмѣнное о себѣ самомъ мнѣ-
 ніе? Можемъ ли модный Пешименръ

безумнѣ сего о себѣ мыслишь, или полу-ученый болѣе сего превозносишь себя похвалами. Послѣ сего, кто будешь удивляться, что *Пустовраль* поспавляетъ себя въ числѣ лучшихъ писателей; что *Любокрасъ* прельщается своею красою; и что сочинители *бредящаго мѣщанина* почитаютъ прекраснѣйшими твореніями глупыя свои бредни, хотя многимъ довольно извѣстно, что нѣтъ почти ни одного изъ ихъ писателей, кто могъ бы съ удовольствіемъ прочесть съ начала до конца хотя одну ихъ книжку. Всѣ сіи люди, рожденные съ разумомъ въ тѣсныхъ предѣлахъ заключенномъ, могутъ ли воспротивиться погрѣшностямъ сроднымъ вообще всѣмъ смертнымъ, когда не могъ оныхъ избѣжать *Лептницъ*, будучи изъ числа величайшихъ и славнѣйшихъ философовъ въ Европѣ? Ежели онъ по природному своему свойству принужденъ былъ впасть въ столь смѣшное безуміе, и еслили

въ то самое время, когда осуждалъ человеческое высокомеріе, предавался самъ до чрезвычайности сему тусклому пороку: но какимъ чудомъ, люди просные могли бы возвыситься выше предѣловъ своего состоянія, и исправить свои несовершенства, присоединенныя крѣпчайшими узами къ существу ихъ? Безумно бы было полагать возможность столь противоположную, какъ здравому разсудку, такъ и неоспоримому опыту.

И такъ, погрѣшности великихъ мужей, не только могутъ быть способны дать намъ почувствовать недостатки всѣхъ людей вообще: но и доказать совершенно слабости и непостоянство человеческого разума. Поелику извѣстно, что еслии кто захочетъ изслѣдывать какую вещь, то всегда должно разсматривать ее съ превосходнѣйшей степени; слѣдовательно познавая глупости обыкновенныхъ людей, узнаешь только то, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ

имѣть погрѣшности свойственныя ихъ природѣ: но удосповѣрясь совершенно, что и самымъ высочайшимъ разумомъ одаренные, часто бывающѣ подвержены таковымъ же порокамъ, какъ и самые безумнѣйшіе, должно непремѣнно заключить, что нѣтъ никого изъ смертныхъ истинно мудраго.

Ежели бы люди прилѣжно разсма-тривали, почтенный *Маликуллуликъ*, сколь бываетъ въ нихъ посредственъ превозносимый ими столь великими похвалами ихъ разумъ, и сколь способенъ онъ принимать въ себя различныя впечатлѣнія предразсудковъ, самолюбія, гордости, тщеславія; а наконецъ и всѣхъ страстей вообще, то гораздо менѣе полагались бы они на сей, по мнѣнію ихъ, природный свѣтильникъ, который почитаютъ они надежнѣйшимъ себѣ путево-ди-лемъ; ибо, ежели бы онъ былъ нѣчто дѣйствительно существующее и совершенно твердое и основательное,

то надлежало бы, чтобъ во всѣхъ людяхъ былъ онъ одинаковъ, производилъ бы въ нихъ одинакія дѣйствія, и показывалъ бы имъ все вещи въ равномъ положеніи. Но онъ чего же производитъ сіе различіе въ чувствахъ? Но какой причинъ одинъ народъ почитаетъ какую либо вещь правильною; а другой точно бываетъ увѣренъ въ ея неправильности? И для чего то, что называютъ добродѣтелию въ Азіи, почитается порокомъ въ Европѣ? Который изъ сихъ двухъ есть истинный разсудокъ, Европейской, или Азіянской? Если Европейцы совершенно увѣрены въ своихъ мнѣніяхъ; то какую пользу приносятъ природный свѣтильникъ большей части земныхъ жителей? Тогда непременно надлежитъ признаться, что сей мнимый свѣтильникъ, данный онъ природы людямъ для ихъ путеводенія, не болѣе имъ полезенъ, какъ и самогуснѣйшій мракъ. Почто думаютъ Европейцы, что разсудокъ Азіяцевъ

несправедливъ? И для чего бы такимъ не назвать разсудокъ Евронейцевъ? Какимъ образомъ можно рѣшить столь трудную задачу? Не полезѣли въ семъ случаѣ придержаться мнѣнія Святаго Августина, и вѣрить, что грубость нашего міѣла причиною нашего малаго познанія и несовершенства нашего разума? „Разумъ чело-
 „вѣческій, говоритъ сей святой
 „мужъ, помрачается привычкою ко
 „мраку; коимъ человекъ окруженъ во
 „грѣховной нощи, и потому не мо-
 „жетъ отверстыми очами взирать
 „на свѣтъ, котораго въ немъ недо-
 „стаетъ. Великое есть для него благо-
 „получіе, когда онъ руководствуется
 „къ истинѣ гласомъ и власною вѣрой. „

Примѣтъ, почтенный *Маликуль-
 муликъ*, что Святой Августинъ, какъ
 кажется, совершенно былъ увѣренъ,
 что человекъ никогда не былъ спосо-
 бенъ самъ собою познавать истину,
 и что потребно было для сего, чтобы
 онъ былъ къ ней провождаемъ нѣкою

высочайшею властію. И такъ, слѣдуя
оному, какую надежду можно полагать
на сей разумъ, толико превозносимый
похвалами отъ философовъ и отъ
многихъ ученыхъ? Должно ли назы-
вать природнымъ свѣтильникомъ та-
кую вещь, которая неспособна по-
дать намъ ни малѣйшаго просвѣщенія?
И какое дѣйствіе можетъ произвести
Философія, которая ничемъ другимъ
не поддерживается, какъ властію
сего обманчиваго и мечтательнаго
разума, который чаще приноситъ
намъ вредъ, нежели пользу.

Цицеронъ, не безъ основанія утвер-
ждалъ, что люди можетъ быть были
бы блаженны, ежели бы не были
одарены разумомъ. Онъ уподобляетъ
его вину, которое хотя можетъ
иногда быть полезно для больныхъ,
но чаще дѣлаетъ имъ вредъ. И въ
самомъ дѣлѣ, сколько глупостей изви-
няемы бываютъ посредствомъ разума?
Человѣкъ, который не получивши отъ
другаго ни малѣйшаго себѣ оскорб-

ленія, пробѣзжаетъ двѣсти или триста миль, единственно для того, чтобъ съ нимъ рѣзаться, основываетъ безуміе свое на разумѣ. Пустосвятъ, который возмущаетъ цѣлое общество, и который одинъ дѣлаетъ болѣе зла, нежели язва и голодъ, защищаетъ свое злодѣяніе разумомъ. Момъ повергающійся въ роскошь, извиняетъ свои поступки посредствомъ разума. Философъ вздорныя свои умствованія утверждаетъ такъ же на разумѣ: и наконецъ, нѣтъ ни одной такой вещи, въ которую люди не вмѣшивали бы разума: всѣ думаютъ обладать имъ въ равной долѣ; но всѣ равно заблуждаются.

Гораздо полезнѣе, почтенный *Ма-ликулъулькѣ*, усмирить сихъ разумниковъ, превозносящихся столь много своимъ разумомъ, показавъ имъ всю его слабость и несовершенство. Такимъ способомъ можно научить надменныхъ любомудровъ покорять ихъ разсужденія подъ власть вѣры, и ни-

когда не спорить о нѣкоторыхъ вещахъ, въ пониманіе ихъ не вмѣщающихся; ибо сколько есть между ими такихъ, о коихъ можно сказать съ святымъ Бернардомъ: что „въ то „самое время, когда стараются они „достигать до познанія вещей имъ „непостижимыхъ, сами о себѣ не „имѣютъ нисколько познанія.

П И С Ь М О Х Л І.

Отъ Ондина Боріеда къ волшебнику Маликулбмулку.

Уже давно, любезный Маликулбмулкъ, не имѣлъ я удовольствія бесѣдовать съ тобою письменно, и съ того времени, какъ ты оставилъ свой кабинетъ рѣдкостей, находящійся подъ Харибдою, и захопѣлъ нѣсколько времени провести между жителями земными, непостоянными болѣе, нежели морская вода; съ того

времени, какъ тебѣ любезный мой
сосѣдъ! не спало въ нашей стихіи,
я такъ же оспавилъ свой домъ, ко-
торый мнѣ однимъ только съ тобою
сосѣдствомъ нравился, и нынѣ путе-
шествую по разнымъ спирамъ, по-
крытымъ морскими водами, занимаясь
собираніемъ рѣдкостей, коими умно-
жаю твою Кунстъ-Камеру; иногда
любопытствую видѣть различныя
наши селенія и морскихъ людей, изъ
коихъ съ нѣкоторыми хочется мнѣ
и тебѣ въ свое время познакомиться:
право они очень добрые люди, и отъ
жишелей земной поверхности тѣмъ
только разнятся, что не умѣютъ
обманывать и убивать другъ друга.

Путешествуя такимъ образомъ
иногда встрѣчаюсь я съ дворомъ *Нел-
туна*; а ты знаешь, что всѣ дворы
очень любопытно видѣть, особливо
дворъ такого бога, котораго владѣнія
обшириѣ всѣхъ земныхъ владѣній,
и въ которомъ по его многолюдству
никогда безъ новоспешей не бываетъ.

Нашъ водяной дворъ нынѣ въ немаломъ безпокойствѣ, и не знаетъ гдѣ сыскать себѣ для утвержденія мѣсто: недавно *Целтунъ* выбралъ было очень выгодное близъ береговъ древней *Тавриды* и *Оетиды* пригошвила для новоселья презеликолѣпный пиръ: всѣ наши водяные жители были на оной приглашены и расположились на нѣсколькихъ столахъ праздновать сіе новоселье: кораллы и жемчужныя раковины украшали сосуды и умножали великолѣпіе; гости пировали спокойно и морской богъ накатилъ уже изрядно лобъ нектаромъ, который ему опускается посуточно съ *Юлтиперова* двора.

Вотъ наконецъ я выбралъ себѣ очень спокойное жилище, сказалъ онъ съ восхищеніемъ, теперь уже ничто меня болѣе не потревожитъ, и неугомонные смертные перестанутъ, плавая надъ моею головою, сбрасывать ко мнѣ всякой соръ, какъ то они до нынѣ дѣлавали. Вообразите,

продолжалъ онъ, что нѣкогда я долженъ былъ онъ нихъ перенести свой дворъ къ берегамъ Америки: чшожь вы думаете, оставили ли они меня тамъ спокойно? совсѣмъ нѣтъ; въ день празднованія моего брака съ *Оттидою*, когда я меньше всего ожидалъ, вдругъ ударили меня по головѣ якоремъ: это былъ *Колумбъ*, кошорому вздумалось искашь новаго свѣта, богатства, и славы: представьте мое удивленіе, когда получилъ я шишку на лбу онъ якоря въ такихъ мѣстахъ, гдѣ меньше всего ожидалъ приѣзду корыстолюбивыхъ смертныхъ; перевязавъ свою разбитую голову морскою правою, пустился я ночевать далѣе къ сѣверу, не оставляя однакожь береговъ Америки, и послѣ того былъ нѣсколько времени спокоенъ, какъ вдругъ упало на меня пушекъ съ восемь, и естълибъ я не былъ богъ, то переломало бы мнѣ всѣ кости. Проклятые смертные! вскричалъ я, вы нигдѣ мнѣ не дадите покою.

Съ превеликимъ испудомъ вытацили
меня всего изуродованнаго изъ подъ
пушекъ, и я узналъ, что эти пушки,
которыми меня чуть было не зада-
вило, упали съ корабля, пощонувшаго
со многими другими кораблями сере-
брянаго флота, отправлявшагося въ
Гвианаю изъ Америки. Опасаясь,
чтобъ не быть опять такимъ обра-
зомъ когда нибудь задавлену море-
плавателями, рѣшился я перенести
свой дворъ подъ которой нибудь По-
люсъ, и въ томъ же часъ бросился
къ сѣверному, гдѣ едва было не за-
мерзъ со всѣмъ своимъ дворомъ, и
уже собирался въ скоромъ времени
опишуда выбраться, какъ вдругъ по-
будила меня поспѣшнѣе пѣмъ самая
важная причина.

Однимъ днемъ, очень спокойно
сидя, вышивалъ я для обогревнiя себя,
двадцать шестую бутылку нектара,
какъ въ ту самую мину, о ужасное
зрѣлище! увидѣлъ, что мою любезную
Беттиду волокли мимо меня, зацѣ-

шивъ за шею веревкою съ привязанною на оной гирею: бѣдная моя жена хрипѣла и барахталась руками и ногами; но не могла никакъ освободиться отъ проклятой пещи, въ кошорую судьба ее всунула. Кто такой дерзновенной, вскричалъ я, который осмѣливается шакъ безчестно поступать съ моею женою? — Мы донесли, что это были Агличане, которые искали прохода къ Полюсу на своихъ корабляхъ, изъ коихъ съ одного опущенный ломъ опутался около шеи моей дорогой *Огтуды*, чемъ давно бы ее удавило, естли бы она не была безсмертна. Мы кое какъ ее опутали, и я побѣждалъ опрометью изъ эпихъ проклятыхъ мѣспѣ, въ кошорыхъ думалъ было со всѣмъ избавишься отъ людей, и гдѣ они чупъ не удавили мою любезную супругу.

Шесивуя отпуда со всѣмъ моимъ дворомъ по морскимъ степямъ, озлился я на всѣхъ мореплавателей, и вздумалъ однимъ разомъ опиравишь ихъ

къ *Плутону*. Утвердись въ семъ на-
мѣреніи, возволновалъ я море столь
сильно, что надѣялся потопить всѣ
корабли безъ извѣстія; но вмѣсто
желаннаго успѣха надѣлалъ только
иѣмъ болѣе себѣ безпокойства: волны
пронося мимо меня корабли не рѣдко
задѣвали меня за голову, и перепро-
кидывали въ верхъ ногами: съ иныхъ
кораблей бросали наполненные золо-
томъ ящики и подбивали ими глаза
моимъ придворнымъ: двѣ любимыя
мои кобылицы окривѣли отъ срублен-
ныхъ мачтъ, концы которыхъ концами по-
выкололо имъ по одному глазу: четвер-
тымъ изъ моихъ любимыхъ *Тритонъ* въ
переломало руки сброшенными съ
тѣхъ же кораблей пушками. Видя
это, я опасался, что бы желая на-
нести бѣды мореплавателямъ, не пре-
терпѣвъ болѣе ихъ мнѣ самому, и не
превративъ бы свой дворъ въ боль-
ницу; ибо большая уже половина иѣж-
ныхъ моихъ придворныхъ была пере-
тѣшана посящимися по морю облом-

ками кораблей; и такъ, въ предосторожность для себя и для оставшейся половины моего двора, утишилъ я погоду, и оставилъ людей на произволъ самимъ себѣ, проклиная ихъ жадность къ богатству и къ пустой славѣ.

Но не думаете ли вы, что эта буря ихъ утѣшила, и заставила убѣгать моря? — Совсѣмъ нѣтъ: потѣхъ по утишеніи ея, увидѣлъ я проѣзжающіе полу-обломанные корабли, на коихъ пьяные матросы были такъ же спокойны, какъ будто бы они были на твердой землѣ, и бранили другъ друга для препровожденія времени; а тѣ, которые во время прошедшей бури принуждены были сбросить съ корабля часть своихъ сокровищъ, не столько радовались тому, что утишилась буря, сколько сожалѣли о потеряннѣ оныхъ, и желали сердечно удвоить свои опасности на сей жидкой стихіи, надѣясь возвратить потерянное.

Послѣ сего не могъ уже я нигдѣ найти себѣ спокойное жилище: куда я ни уходилъ, вездѣ, кажется, нарочно за мною гонялись земные жители, и старались меня беспокоить: украшенія дворца моего, уборы мои и моихъ придворныхъ, ничего отъ нихъ не оспавалось въ цѣлости: хотя многихъ изъ нихъ буря наказываетъ за ихъ дерзость, и хотя многіе низвергаются съ водяной поверхности на дно морское; совсѣмъ тѣмъ оставшіеся думаютъ, что морскіе вѣтры вредить ихъ не могутъ, и продолжаютъ спокойно свое плаваніе, ожидая, что природа изъ уваженія къ нимъ переѣмлетъ свои законы и удержитъ въ неподвижности моря. И такъ я, видя во всѣхъ странахъ непрестанно проходящія надъ моею головою корабли, пересталъ уже стараться искать мѣстъ неизвѣстныхъ смертнымъ, и рѣшился здѣсь основать свой дворъ, какъ для ясности погоды, такъ и для теплоты, которую я по

своей старости очень жалую. Сверхъ чаянія нашелъ я здѣсь себѣ спокойствіе, котораго споль давно желалъ: правда, хотя и здѣсь вижу я много кораблей; но это мнѣ придаетъ болѣе оспорожности, и я учредилъ часовыхъ, что бы они отводили отъ моего лба якоря, которые съ верху иногда бросають; здѣсь во время непогоды корабли не задѣваютъ за мою голову, для того, что отсюда очень близки берега, въ которыхъ они себѣ находятъ убѣжище, не кидая на мой дворъ своихъ пушекъ и сундуковъ.

Въ самое то время, какъ онъ такимъ образомъ любовался своимъ спокойствіемъ, вдругъ освѣтило все собраніе и раздался громъ надъ нашими головами; *Фетида*, какъ нѣжная богиня, упала въ обморокъ, а у *Нелтуна* выпала изъ рукъ бутылка съ нектаромъ, которая была уже пуста; а иначе онъ конечно держалъ бы ее крѣпче въ своихъ божескихъ рукахъ. Все собраніе устремило къ верху

глаза и увидѣло надъ собою цѣлый плавающий городъ, который перестрѣливался съ другимъ такимъ же городомъ.

Хорошее мѣсто выбрали они для драки! вскричалъ *Нелтунъ*. — Ваше Величество, сказалъ одинъ изъ придворныхъ, конечно они не знали, что вашему божескому произволенію угодно было сдѣлать пиръ на семъ мѣстѣ; ибо если бы смертные о семъ знали, то никакъ не осмѣлились бы надъ вашею головою драться, и тѣмъ беспокоить васъ и все почтенное наше собраніе.... Ахъ! вскричала *Оетидя*, которая лишь только что опомнилась: я занемогу, если эта ужасная драка еще будетъ продолжаться; любезный *Нелтунъ*! говорила она обращаясь къ своему мужу, отведи отсюда скорѣе сіи корабли. — Ахъ! *Оетидя*, вскричалъ *Нелтунъ*, нынѣ уже не старыя времена, когда я, какъ хотѣлъ, такъ ворочалъ всѣми морями и всѣми плавателями: нынѣ

ни одна живая душа изъ обоихъ флотовъ меня не послушаетъ, и естли бы мнѣ вздумалось самому вынѣти ихъ унимать, то конечно съ обѣихъ сторонъ ничего бы я не получилъ, кромѣ нѣсколькихъ ударовъ веслами, или еще и того хуже, расквасили бы мнѣ носъ пушечнымъ ядромъ: а вмѣстѣ съ носомъ я былъ бы въ опасности потерять и свою любовь; ибо не въ огорченіе сказать вамъ женщинамъ, всякой мущина, потерявъ носъ, всегда бываетъ въ великой опасности лишиться обожанія самой страшнѣйшей своей любовницы: и такъ, пускай они дерущся, мы здѣсь такъ глубоко, что насъ мало должна трогать ихъ ссора: желалъ бы я только знать, какая причина понуждаетъ ихъ драться на водѣ, а не на землѣ? Совсѣмъ вынѣмъ однакожь за здоровье будущихъ побѣдишей; ибо политика требуетъ, что бы всегда приставать къ сильной сторонѣ, чему всегда послѣдовали мои товарищи Олимпа,

какъ подѣ Троею, такъ и въ другихъ сраженіяхъ.

Въ самую ту минуту, когда владѣтель Океана подносилъ ко ршю рюмку, и лишь только растворилъ было ротъ, вдругъ разшибло ее въ дребезги упавшимъ пушечнымъ ядромъ, за которымъ послѣдовалъ градъ другихъ ядеръ, которыя снучали въ самыя маковки всѣмъ присутствующимъ на семъ почтенномъ собраніи, и перебило всю на столѣ посуду.

Такіе гостинцы могли бы отпразднать къ *Плутону* большую половину нашего собранія, если бы всѣ мы были не безсмертны; однакожь со всѣмъ нашимъ безсмертіемъ такіе щелчки ни одному изъ пирующихъ не поправились. Самъ *Нестунъ*, вышедъ изъ терпѣнія, хотѣлъ взволновать все море и разнять воюющихъ такъ, какъ разнимаютъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ кулачныхъ бойцовъ заливыми трубами.

Провалъ ихъ побери, вскричалъ *Нелтунъ*, опобѣдаемъ поскорѣе и оставимъ здѣшнія мѣста. Господа! кричалъ онъ, прошу отвѣдать изъ эшаго блюда, приготовленнаго изъ плеска самаго жирнаго кита. — Мы пропянули было руки, какъ вдругъ изуродованный чалмоносецъ упалъ въ сіе блюдо. Гости видя такую дурную приправу, оставили охоту отвѣдать китова плеску, и проклинали всѣхъ чалмоносцевъ на свѣтѣ, которые мѣшаютъ пировать на новосельѣ, и прыгаютъ такъ не ксташъ въ божескіе соусы.

Не успѣли мы очистить блюдо отъ Магомешанца, какъ цѣлыя груды съ верху попадали его одноземцевъ и на насъ и на нашъ столъ. *Оетиде* вновь упала въ обморокъ со страху отъ покойниковъ, хотя *Нелтунъ* доказывалъ ей, какъ возможно красно-рѣчивѣе, что отъ мертваго тѣла такъ же не пристойно лишаться чувствъ, какъ отъ каменной статуи.

Ахъ! кричала она *Нелтуну*, ты никогда меня не перестанешь мучить, и я вѣчно принуждена буду видѣть здѣсь мерзавцовъ и пискарей, которые всегда наводять на мнѣ обмороки.

Ты видишь, любезный *Маликуль-зуль*, что не однѣ ваши женщины опѣ мышей и опѣ пауковъ лишаются чувствъ, и наша богиня такъ же пискарей боится.

Когда всѣ находились въ такомъ замѣшательствѣ, вдругъ упало къ намъ нѣсколько опаленныхъ и половина еще живыхъ рыцарей луны, и одинъ изъ нихъ попалъ прямо на колѣни къ *Нелтуну*. О *Магомедъ*! вскричалъ онъ, теперь я вѣрю, что янычару очень трудна дорога къ своимъ *Туркамъ*: пошли же ко мнѣ изъ нихъ поскорѣе хотя одну, чтобы я могъ видѣть, не по пустому ли я лишился своихъ ногъ и своей головы. — Дерзновенной! вскричалъ *Нелтунъ*, ты не у *Магомеда* въ раю; но въ нѣдрахъ моря у обладателя жидкой

стихи, и я скоро накажу тебя за твою дерзость, что ты осмѣлился беспокоить мое величество. — Какъ! вскричалъ Музульманинъ, такъ я напрасно дрался и проливалъ кровь свою за *Магомеда*, которой не печется теперь избавить меня изъ воды, и вмѣсто посланія ко мнѣ прекрасныхъ *Гургій*, оставляетъ, можетъ быть, на сѣденье морскимъ чудовищамъ: увы! еслибѣ я это зналъ, не оставилъ бы мою любезную *Зюлму*, и не промѣнялъ бы ее на *Гургій*, которыхъ, какъ видно, и на свѣтѣ не бывало; я не сталъ бы драться съ людьми, которые мнѣ никакого зла не сдѣлали, и не далъ бы себя изуродовать и опалить, во ожиданіи за то себѣ награжденія въ прѣшемъ небѣ. — Но скажи мнѣ, сказалъ *Нелтунъ*, какую причину имѣли вы драться, и что понудило тебя, оставя спокойную жизнь, идти искать своей погибели на море. — Увы! отвѣчалъ обожатель *Магомеда*, мнѣ сказано было отъ

Муфтия и отъ *Имана*, что люди живущіе отъ меня за нѣсколько тысячъ верстѣ, копорыхъ я отъ роду въ глаза не видывалъ, ужасно обидѣли и меня и пророка *Магомеда*, копорой уже нѣсколько сотѣ лѣтѣ лежитъ спокойно въ *Меккѣ*, и что я непременно долженъ имъ дранься съ этими людьми, естли не захочу быть лишениъ на безчисленное множество вѣковъ райскихъ *Гуріи*: услыша это оставилъ я жену, и поѣхалъ посмотрѣть ихъ людей, копорые обидѣли меня и давно уже умершаго *Магомеда*, будучи въ твердой надеждѣ всѣхъ ихъ перебить; ибо въ *Алкоранѣ* нашемъ именно сказано, что насъ никто не побѣдитъ до послѣдняго вѣка; но наши непріатели, не смотря на такіа сильныя обѣщанія *Алкорана*, въ другой уже разъ сожигаютъ нашъ флотъ и меня сего дня со всѣмъ моимъ усердіемъ отмщатъ *Магомедову* обиду, съ доброю надеждою будущаго рая, и съ моею галерою взорвало на воздухъ

и бросило не на небеса, какъ бы должно было мнѣ того ожидать; но на морское дно, гдѣ я вижу ясно, что наши *Муфтий* и *Иманы* общающѣ намѣ селенія въ такихъ мѣстахъ, куда они сами никогда прибыть не надѣются; и для того, не полагаясь на будущую жизнь, собираютъ съ насъ деньги, что бы было имъ чѣмъ райски жить на землѣ. — Но скоро ли, по крайней мѣрѣ, спросилъ *Нелтунъ*, кончится ваша драка? — Можетъ быть тогда, когда всѣхъ насъ перебьютъ; ибо нѣкоторые товарищи мои обнадежены, что всѣхъ, кого подыметъ на воздухъ, прямо порохомъ взбрасываетъ на небеса, и думаятъ тѣмъ угодишь пророку, своему защитнику, котораго и самого такъ же бы взорвало, какъ и другихъ, если бы онъ между нами случился. Однакожь большая часть изъ моихъ земляковъ мало вѣрятъ симъ пустымъ увѣреніямъ, и видя какъ по всюду бывають они пора-

жаемы своими храбрыми непріятелями, имяни ихъ спрашанся, и какъ на морѣ, такъ и на землѣ не долго выдерживающѣ съ ними сраженіе; но всегда принуждены бывающѣ, или отъ нихъ бѣжанъ безъ памяти, или положа оружіе отдаваться въ ихъ волю.

Нелтунъ, видя между тѣмъ умножающіяся кучи Музульмановъ, поспѣшилъ со всѣмъ своимъ дворомъ и съ любезною своею супругою въбратъся изъ столь неспокойнаго мѣста; а я продолжалъ мой пунъ, оставя тупыхъ Музульмановъ дѣлать скачки по воздуху, въ честь своего *Магомеда*, который у *Плутона* вмѣстѣ съ ними посмѣется, можетъ быть, надъ ихъ дурачествомъ.

П И С Ь М О Х L I I .

*Отъ Гнома Зора къ волшебнику
Маликульмулку.*

Теперь хочу я увѣдомить тебя, любезный *Маликульмулкѣ*, о томъ, чѣмъ кончилось предпріятіе Француженки, желающей пристроить брата своего къ мѣсту.

Мнѣ очень хотѣлось знать, кто будетъ томъ несчастной, кому Французской бѣглецѣ съ висѣлицы достанется въ учителя, и найдутся ли столь глупые родители, которые бы повѣрили воспитаніе своихъ дѣтей почти безграмотному плуту, который скорѣе можетъ научить, какъ вытаскивать изъ кармановъ плашки, нежели наставить въ добродѣтели; и для того на другой день не умедлилъ я невидимкою прийти къ Француженкѣ, которую засталъ покупающую у здѣшнихъ купцовъ гнилые шовары и обертывающую ихъ въ бу-

маги украшенные французскими надписями, что бы послѣ продавати за иностранцы.

Едва отпустила она купцовъ, какъ вошла въ лавку молодая дѣвушка съ своею учительницею и начала разсматривать нѣкоторыя товары; минуя спустя вскочилъ въ лавку молодой щоголь, который между тѣмъ, какъ дѣвушка перебирала разные уборы, успѣлъ переговорить тихо съ ея учительницею. — Говорила ли ты съ нею обо мнѣ? спросилъ онъ ее. — Надѣйтесь на успѣхъ, отвѣчала сія плутовка; она васъ любитъ, и остается намъ преодолѣть одинъ только ея страхъ; но Господинъ *Скоточравъ*, продолжала она, право услуживая вамъ, я опасаюсь лишиться мѣста. — Не бойся, отвѣчалъ онъ, всунувъ ей въ руку кошелекъ съ деньгами, если ты потеряешь сіе мѣсто, то я представлю тебя моей матери въ надзирательницы къ моей сестрѣ. — *Мадамъ* отскочила отъ него, а онъ по-

дошелъ къ дѣвицѣ. Боже мой! сказала красавица, ни одного убору не могу выбрать по своему вкусу. — Сударыня! вскричалъ подлипало, вамъ только спонииъ выбрать какойнибудь: всякой на васъ будетъ казаться прекраснымъ. — Дѣвушка присѣла передъ нимъ и покраснѣла; въ семъ состоялъ весь ея отвѣтъ. — Ваша стыдливость доказываетъ, будто вы мнѣ не вѣрите, говорилъ щоголь: ахъ! сударыня, не ужьли почитаете вы меня лицебромъ; ваша надзирательница конечно повторитъ вамъ мои мысли, и я клянусь вамъ сею прекрасною ручкою, (при семъ схватилъ онъ ея руку и поцѣловалъ) клянусь всякимъ изъ сихъ нѣжныхъ пальчиковъ, что я говорю правду. — Государь мой, отвѣчала ему дѣвушка въ смущеніи и почти заикаясь, я не заслужила такихъ привѣтствій..... И! сударыня, перехватила рѣчь ея надзирательница, учись лучше жить въ свѣтѣ: можно ли принимать такъ

ласки молодого мушкетера, который всеми способами, столь уже давно стараются сыскать случай доказать вамъ: свою любовь и преданность; можно, право, съ перваго на васъ взгляда узнать, что вы недавно выѣхали изъ деревни; нѣтъ! воля ваша, я не допущу васъ такъ сурово обходиться съ мушкетерами; вы вѣдь видѣли, какъ здѣшнія дѣвушки съ ними ласковы: старайтесь подражать имъ, и оставьте эту деревенскую застенчивость, которая дѣлаетъ васъ смѣшною; я какъ учительница вамъ это говорю, и какъ другъ вашъ, вамъ это совѣтую. — Ахъ! Боже мой, вскричалъ щеголь надзирательницъ, ради Бога оставьте свои выговоры; я въ опечаленіи, что сдѣлался причиною оныхъ; но, сударыня, продолжалъ онъ оборотясь къ дѣвушкамъ, еслили ваша застенчивость происходитъ отъ того, что я вамъ прошивенъ, то прикажите мнѣ отсюда выйти. — Я не говорю вамъ этого, сударь, отвѣчала

робкая красавица; будьте спокойны здѣсь и дозвольте только выбрасть мнѣ для себя нѣсколько уборовъ, послѣ чего должна я потчасъ ѣхать: матушка уже, я думаю, давно меня дожидается. — Выбирайте, сударыня, сказалъ подлипало, и послѣ того продолжалъ хвалить ея красоту и цѣловать ея руки: а она боясь, чтобъ опять не назвали ее деревенскою, допускала его это дѣлать, и только иногда ему кланялась. — Чпо споймѣ ша шляпка и косынка? спросила она у торговки. — Шестидесятъ рублей, отвѣчала Француженка; да онѣ уже куплены симъ Господиномъ, говорила она, указывая на *Скотоправа*: но естли онѣ позволитъ, то я ихъ продамъ вамъ, а ему сдѣлаю другія. — Позволю ли я! вскричалъ сей негодяй: ахъ! я за счастье сочту, естли она выберетъ то, что мнѣ понравилось. Дѣвушка ему поклонилась и хотѣла заплащитъ торговкѣ деньги; но онѣ вдругъ остановилъ ея руку, сказавъ

ей, что деньги уже заплачены. Удоспойте, сударыня, говорилъ онъ съ восхищеніемъ, эшо взять, я счастливымъ себя почту, естли могу вамъ услужить такою малосшью. — Ахъ! кшамъ ли, сударь, онвѣчала красавица, принимаю мнѣ отъ васъ подарки: мамушка будетъ на меня гнѣваться, когда обѣ эшомъ узнаетъ. — Вы еще не оставили своихъ деревенскихъ правилъ, сказала честная ея надзирашельница; ну все ли должно знать мамушкѣ, что дѣлаетъ дочка: довольно и того, естли я эшо знаю, и не уже ли вы захотите сдѣлать неучтивство, отказавъ сему Господину въ прозьбѣ, не находя въ шомъ ничего дурнаго: поживите, сударыня, поболѣе въ большемъ свѣтѣ, вы узнаете, что нѣтъ никакого худа принимая дѣвицѣ отъ мушины подарки: развѣ вы не помните, какъ въ бытность нашу въ домѣ у Графини *Безлѣтосой*, при васъ подарилъ молодой человекъ дочь ея прекраснымъ склаважемъ;

не ужьли вы позабыли, что тутъ же другой молодой человекъ проигрывалъ ей нарочно свои деньги; а это вѣдь тѣ же подарки: возьмите, сударыня, возьмите эту шляпку и косынку, а деньги свои поберегите для другихъ веселостей: вы знаете, что вамъ очень не легко выпросить у своей матушки и пятнадцать рублей. Если же вы скажете объ этомъ вашей матушкѣ, то она вѣрно, не зная правилъ большого свѣта, васъ забранивъ, и заставивъ жить и думать такъ, какъ ей угодно, то есть: почти не говорить съ мужчинами, сидѣть по-тупя глаза въ землю, и бояться сказать лишняго слова, чемъ вы сдѣлаетесь смѣшны во всемъ здѣшнемъ городѣ, и на васъ всѣ благородныя дѣвицы будутъ указывать пальцами. Послѣ такого прекраснаго нравоученія дѣвица приняла подарки, и купила еще другихъ уборовъ, за которые щоголь заплашилъ свои деньги, и за все это, прощаясь, поцѣловалъ

у красавицы ручку. Прощайте сударыня, сказалъ онъ, я желаю вамъ скорѣе узнать большой свѣтъ. — О! сударь, перехватила рѣчь его ея надзирапельница, дѣвица имѣетъ всѣ дарованія, чтобъ его украшать собою; она поетъ какъ ангелъ и прелестно танцуетъ. — Ахъ! этому я вѣрю, вскричалъ *Скотонравъ*: голосъ выходящій изъ ея прекрасной груди и прелестныхъ устъ, можетъ ли не трогать сердце; а съ такою прелестною таліею и съ такими безподобными ножками, можно ли худо танцовать; о! сударыня, да мы сразимся съ вами въ этомъ искусствѣ. Меня ничему споль прилѣжно не учили, какъ танцовать: одинъ танцмейстеръ за ученіе мое сполько же бралъ онъ моей мапушки денегъ, сколько всѣ учителя вмѣстѣ; послѣ того я ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ и довершилъ сіе искусство; хотя и въ другихъ полезныхъ молодому человѣку знаніяхъ я не былъ лѣнивъ; ибо я могу похвалиться, что

мапушка моя не жалѣла ничего, что бы сдѣлать меня совершеннымъ.... Пѣвецъ Брелляръ (Braillard) обработалъ мою грудь; фехтмейстеръ и стрѣлецъ Фанфаронъ (Fanfaron) обработалъ мои руки; а славной Французской танцмейстеръ любезной мой Букъ (Bouc) обработалъ мои ноги, и сдѣлалъ меня совершеннымъ человекомъ. Я постараюсь доказать вамъ это при первомъ случаѣ, когда васъ увижу, если только удостоится сказать мнѣ нѣ счастливыя мѣста, которыя украшаете вы своимъ присутствіемъ. — Я, сударь, въ будущемъ маскарадѣ надѣюсь быть съ моею мапушкою, отвѣчала скромница, изъ вида которой примѣчалъ уже я, что она ухватками сего господчика и наставленіемъ своей Французской надзиравательницы, начала спотыкаться на пути добродѣтели. — Мы не рѣдко будемъ и сюда ѣздить для покупки уборовъ, сказала ей учивельница. Послѣ сего онѣ

уѣхали, и я сожалѣлъ о неосторожности сей дѣвушки; бранилъ ея мать, что повѣрила воспитаніе своей дочери такой плутовкѣ, и проклиналъ сію бродяжку Француженку, которая недовольна тѣмъ, что нашла себѣ хлѣбъ въ честномъ домѣ, въ благодарность вздумала развращать незваную дѣвушку, въ чемъ способствовала имъ и содержательница лавки, обѣщавъ *Скотоправу*, что она въ своей лавкѣ дозволитъ производить всѣ старанія для погубленія добродѣтели сей дѣвушки, которая, какъ кажется, очень скоро возвратится, навидѣвшись примѣровъ въ большомъ свѣтѣ.

Едва вышли всѣ изъ лавки, какъ вошелъ къ торговкѣ ея братъ: они сѣли въ карету, а я помѣстился тутъ же на противъ ихъ: ты знаешь, любезный *Маликуллукъ*, что духу не много надобно мѣста.

Надобно тебя предвѣдомить о здѣшнихъ жителяхъ, говорила Фран-

цуженка своему брату, и сказать тебѣ, до какой степени можемъ мы ихъ обманывать и пользоваться ихъ легковѣріемъ. Американцы, въ первыя времена прибытія къ нимъ Европейцевъ, не столько ихъ уважали, сколько здѣсь уважаютъ Французовъ: тѣ побѣдили Американцевъ оружіемъ, а мы побѣждаемъ здѣшнихъ жителей хитростию: тѣ выманивали у нихъ множество золота за колокольчики, погремушки и бисеръ; а мы не менѣе здѣсь достаемъ золота за такія вещи, которыя нимало не важнѣе и не дороже погремушекъ и мѣдныхъ колокольчиковъ, съ тою еще выгодою, что колокольчики можно употреблять нѣсколько десятковъ лѣтъ, а наша и самая прочная бездѣлка не стаетъ на три мѣсяца. Однакожь со всѣмъ тѣмъ здѣшніе жители почитаютъ должностію раззоряться, чтобъ только имѣть честь отдавать намъ свои деньги. Правда, что отъ того здѣсь часъ отъ часу становятся дороже

деньги и всѣ необходимыя для содержанія вещи: одна наша лавка можетъ раззорить въ годъ до ста тысячъ креспыянъ; но эти сто тысячъ хлѣбопашцевъ здѣсь меньше уважаются, нежели одинъ французъ торгующій шляпами, помадою и спальными пуговицами: по чему наши одноземцы, узнавъ такое счастливое къ нимъ уваженіе, не замедлили толпами приѣзжать сюда, (хотя многимъ изъ нихъ такъ же, какъ и тебѣ, любезной братъ, выѣхать было не чѣмъ) что бы здѣсь наградить свою бѣдность и жить пышно на счетъ здѣшнихъ добродушныхъ жителей.

Считаеися три рода главныхъ упражненій, которыми мы здѣсь раззоряемъ, и приготовляемъ къ раззоренію ежегодно по нѣскольку тысячъ человекъ, а именно: торговля модными товарами, рукодѣлья, и учительство.

Что касается до торговли, то ты могъ уже понять изъ моихъ

повѣспованій, сколь она для насъ
выгодна. Наши лавки могутъ на-
зваться храмами вкуса и любви; ибо
въ нихъ покупаютъ у насъ модные
товары, и дѣлаются тайныя свиданія
волокии и молодыхъ дѣвушекъ, изъ
коихъ инныя очень строго содержатся
дома, и для того подъ видомъ за-
купки уборовъ приѣзжаютъ онѣ къ
намъ, и мы часто вводимъ ихъ къ
себѣ въ комнаты, гдѣ онѣ находятъ
своихъ любовниковъ, кои имъ болѣе
всѣхъ уборовъ нравятся: съ обѣихъ
сторонъ платятъ намъ щедро, и
сверхъ того покупаютъ у насъ доро-
гою цѣною товары, потому что по-
читаютъ за стыдъ торговаться въ
ихъ лавкахъ, въ которыхъ онѣ сво-
ими рѣзвостями не одно канapé из-
ломали.

Изъ всѣхъ рукодѣлій важнѣйшимъ
почитается искусство честныхъ во-
лосочесовъ; съ симъ знаніемъ не
рѣдко бываетъ соединена должность
Меркурія и *Ростовщика*. Они отпра-

для такимъ образомъ всѣ сии званія вдругъ, получаютъ множество доходу, не тратя ни копѣйки своихъ денегъ. Не рѣдко волосочесы нажившись отъ гребенки, отъ волоки и отъ мотовъ, становятся богатыми купцами: потомъ вступающъ въ гражданскія званія и достаютъ себѣ чины; и тотъ, кто у насъ былъ въ опасности умножить галерную бесѣду и повелѣвать однимъ деревяннымъ весломъ, управляетъ здѣсь нѣсколькихъ числомъ людей, которыхъ одна только бѣдность удерживаетъ въ уничижительномъ состояніи.

Теперь надобно располковать тебѣ объ учительскомъ званіи, которое для тебя всѣхъ важнѣе, потому что ты скоро будешь его на себѣ носить.

Еще не прошло одного вѣка, какъ жители здѣшніе сами воспитывали своихъ дѣтей и толковали имъ только о томъ, чтобъ были они честными людьми; храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастія: къ та-

кимъ наставленіямъ не рѣдко способствовали примѣры самихъ отцовъ, копорые всегда старались содержать при себѣ дѣтей своихъ. Тогда жили здѣшніе хотя не были краснорѣчивы; но говорили такія истины, копорыя не было нужно поддерживать краснорѣчіемъ. Нынѣ же, по прошесивіи варварскихъ временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по Французски, и болтать цѣлый день не зашворя рта въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились Французы. Нынѣ не жалуютъ ничего, что бы сдѣлать дѣтей своихъ пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для того учатъ ихъ хорошо кланяться; держаъ себя всегда въ лучшемъ положеніи, и не говорятъ здѣшнимъ языкомъ, но иностраннымъ. Имъ не говорятъ ни слова о томъ, что есть добродѣтель и полезна ли она. Отцы совѣтуютъ

всегда имѣть въ наличности деньги, которыя могутъ замѣнить достоинства и поправлять недостатки; а учители научаютъ промѣнивать сіи деньги на кафтаны и на щегольство, которое здѣсь замѣняетъ иногда богатство. И такъ, братецъ! когда вступишь ты въ учители, то берегись передъ дѣтьми раскрывать умныя книги: ибо они за то станутъ тебя ненавидѣть и наговаривать своимъ родителямъ, которые назовутъ тебя *ледантои* и сгонятъ со двора. Тверди своимъ ученикамъ только то, какъ должно жить въ большомъ свѣтѣ, и поставь ихъ на такой ногѣ, что бы они могли быть изъ числа усердѣйшихъ Французскихъ данниковъ; а когда они вырастутъ, старайся показывать ихъ порокамъ: они тебя тѣмъ болѣе полюбятъ и удвоятъ твое жалованье. Не забывай имъ твердить, что одни только Французы могутъ назваться совершенными людьми, и что они до

тѣхъ поръ будучи невѣжами, пока не сдѣлаются совершенными имъ подражателями. Читай передъ ними чаще Философію Французскихъ *Еликуровъ* и *Слинозъ*; ученики твои начнутъ сперва по маленьку бранить вѣру, и добродѣтель будутъ называть предразсужденіемъ; а батюшки и матушки станутъ тѣмъ забавляться и рассказывать всѣмъ, что дѣти ихъ превеликіе забавники: и чемъ больше дѣти будутъ насмѣхаться надъ тѣмъ, что встарину называлось свято, чемъ болѣе будутъ они дѣлать шалостей надъ старыми людьми, тѣмъ болѣе ты въ домъ будешь нравиться, и тѣмъ болѣе тебя станутъ выхвалять во многихъ домахъ, и ты будешь наконецъ опущенъ съ награжденіемъ и съ деньгами, копорыя помогутъ тебѣ завести лавку, куда послѣ будучи възданъ по знакомству твои ученики и плащитъ тебѣ вдвое дороже противъ другихъ. Въ короткихъ словахъ, воиъ вся твоя должность:

маленькихъ приучай къ разнымъ шалостямъ; а когда выроснутъ, помогай имъ мошкать и дѣлать разные денежные переводы; набери съ нихъ векселей чрезъ пренны руки, и если только будетъ можно, разори ихъ. Повѣрь, что Французъ никакими поступками не потеряетъ здѣсь уваженія: ни самое то, чемъ онъ насъ могъ бы ты заслужить галеры, здѣсь доставитъ только тебѣ имя остряка. Снарайся болѣе всего, для сокрытія проворныхъ твоихъ выдумокъ, всегда ссорись дѣтей съ родителями, что бы они никогда не могли имъ быть опкровенны; сдѣлай ихъ непріятелями другъ другу, и будь обѣихъ споронъ повѣреннымъ; разоряй одну сторону другою, и съ обѣихъ собирай деньги; вотъ правило, по которому поступающъ многіе честные наши одноземцы, которые оставя свое ремесло, выѣзжаютъ сюда, чтобъ быть здѣсь учителями. Правда, отъ такого воспитанія родители своими

дѣтьми веселятся только въ ихъ младенчествѣ; и стыдятся ихъ, когда они войдутъ въ совершенныя лѣта; правда такъ же и то, что опѣ сего новаго воспитанія мало помалу искореняются здѣсь честные люди стараго вѣка, которыхъ называютъ нынѣ невѣжами; а на мѣсто ихъ вступаютъ люди большаго свѣда, которые дѣлаются столь же худыми воинами, сколь дурными гражданами, и которыхъ все совершенство состоитъ только въ томъ, что на нихъ кафшаны хорошаго покроя. Со всѣмъ тѣмъ родители объ этомъ очень мало заботятся, и продолжаютъ воспитывать дѣтей по новому образу, которой нашимъ землякамъ доставляетъ много пользы; ибо они молодыхъ людей здѣшней земли напередъ приготавливаютъ къ роскошамъ и къ мотовству, а потомъ сами пользуются ихъ пороками и наживаются отъ ихъ слабостей. И такъ, можно упвердительно сказать, что они

сихъ дѣшей воспитываютъ не для опечесства; но собственно для себя. Вотъ, любезный братъ, всѣ правила, которыя нужно было тебѣ узнать: умѣй ими пользоваться; опыты покажутъ тебѣ достаточное. — При сихъ словахъ карена остановилась, они вышли у воротъ довольно богатаго дома, и я такъ же послѣдовалъ за ними. Французъ былъ принятъ очень ласково и съ довольнонымъ уваженіемъ: ему поручены были на воспитаніе двое молодыхъ людей, не испорченныхъ еще новымъ воспитаніемъ; но должно надѣяться, что со временемъ успѣетъ онъ сдѣлать ихъ подражателями и данниками Французовъ.

П И С Ь М О XLIII.

Отъ Силсфа Свѣтовиды къ солшебнику Маликулбмулску.

Недавно прохаживался я въ публичномъ саду, желая посмотреть на

множество машинъ, летающихъ на парусахъ, копорыхъ приносятъ труда хорошая погода, и копорыя главною своею должностію поставляютъ, шесть часовъ въ сутки бѣгаютъ по всѣмъ аллеямъ, что бы показать свое модное платье; кланяться многимъ, кто имъ на встрѣчу попадется; и осмѣивать всѣхъ, кто мимо ихъ проходитъ.

Вотъ, думалъ я самъ въ себѣ, важное упражненіе пварей, копорыхъ называютъ умными; несчастливъ тотъ городъ, которой содержитъ въ себѣ много такихъ тунеядцевъ. — Въ ту самую минуту взглянувъ на сторону, увидѣлъ я двухъ человекъ, скромно прохаживающихся въ отдаленной алее. Вотъ люди, подумалъ я, которые, какъ кажется, пришли сюда только для того, что бы пользоваться хорошимъ временемъ и употребить его для разсужденія; конечно это философы: поспѣшу узнать мысли сихъ счастливыхъ

людей, которые умѣютъ пользоваться хорошею погодою, не тратя времени въ нудныхъ бѣганіяхъ по аллеямъ; но употребляютъ его для умнаго разсужденія. Въ минушу сдѣлался я невидимымъ и подошелъ къ нимъ.

И подлинно это были такіе люди, которыхъ многіе починали Философами. Они прохаживались не говоря ни одного слова, съ важнымъ видомъ, и только чпо пожимали плечами и возводили глаза къ верху.... Ты размышляешь, сказалъ одинъ изъ сихъ Философовъ. — Да, отвѣщивовалъ другой: увы! я размышляю о всѣхъ бѣдствіяхъ, удручающихъ несчастныхъ человѣковъ, и дѣйствительно вижу, чпо человѣческая участь великаго сожалѣнія достойна!... Гдѣ ты сего дня обѣдаешь? — Это правда, говорилъ первой, что люди съ стороны несчастной своей судьбы очень жалки!... Гдѣ ты будешь обѣдать? — Я никуда не давалъ слова; не хочешь ли со мною вмѣстѣ иппи обѣдать

въ практиръ? — Съ охотою. Въ тужь минушу они пошли изъ саду, и я послѣдовалъ за ними. Вошедъ въ практиръ, оба они непрестанно изердали: ахъ! Боже мой! сколь маловажна человѣческая жизнь!... Чпо у тебя есть къ обѣду? спрашивали они у практирщика. — Часпъ самой жирной телятины, отвѣщивовалъ онъ имъ, спаржа, колеты, сосиски, соусъ съ голубями, сладкой пироги, и еще естьли чпо будешь угодно. — Очень хорошо, говорили два Философа; пригтовь еще намъ хорошей рыбы и дай побольше усприць... Ахъ! Боже мой! повпоряли они, какъ жалки люди! вся жизнь ихъ преисполнена величайшими бѣдствіями... Пойдемъ сядемъ за столъ. — Хозяинъ! дай намъ двѣ бутылки хорошаго Шампанскаго и Бургонскаго вина... Подлинно маловажна человѣческая жизнь! — Послѣ сего сѣли они оба за столъ и начали бсть съ добрымъ апенитомъ, продолжая непрестанно оплакивать чело-

вѣческую судьбину, и почасту спрашивая другъ друга: не хочешь ли выпить вина, любезной товарищъ? — Съ великою охотою, любезной другъ! — Ваше здоровье. — Ваше здоровье. — Знаешь ли ты, что я вчерась умеръ было отъ желудка. — А я прешьяго дня въ кофейномъ домѣ пилъ очень много ликеру, и отъ того во всю ночь былъ въ превеликомъ жару.... Ахъ! какъ маловажна человѣческая жизнь! — Какое это прекрасное блюдо! покушай любезной другъ! — А! да и пирогъ чрезвычайно хорошъ: право я ѣмъ одинъ противъ четверыхъ. — А я противъ шестерыхъ. — Читалъ ли ты недавно вышедшее сочиненіе Г.... — Читалъ, ахъ! какъ оно жалко! этотъ Сочинитель не похожъ на философа. — Выпьемъ еще по рюмкѣ. — Всѣ эти господа молодые сочинители никуда не годятся; надобно признаться, что здѣшняя ученость пришла бы въ совершенный упадокъ, ежели бы не было насъ съ тобою,

и еще нѣкоторыхъ подобныхъ намъ, которыхъ сочиненія заслуживаютъ уваженіе.... Гей! человекъ! принеси намъ кофею и самыхъ лучшихъ сливокъ. — Не жалко ли, что здѣсь важныя мѣста въ Государствѣ занимаются такими людьми, которые очень мало того достойны; здѣсь не умѣютъ различать людей: одно только знатное рожденіе и богатство предпочитается; мы съ тобою, любезной другъ! всѣ часы жизни нашей проводимъ въ наукахъ и знаемъ цѣну добродѣтели; а не имѣемъ способовъ быть полезными нашему отечеству: а! кстатъ! сказывалъ ли я тебѣ, что завтра станушъ слушать мое дѣло съ тѣмъ негодяемъ.... Я уже рѣшился разорить его до основанія, и не уступить ему ни одной копѣйки.... Ахъ! Боже мой! сколь маловажна человѣческая жизнь! кудажь мы ѳсюда пойдемъ? — Не хочешь ли въ театръ, тамъ увидишь тамъ новую актрису, съ кошорою я прешьяго дня позна-

комился: она прекрасна! но у меня съ ума нейдетъ, какимъ великимъ бѣдствіямъ подвержена человѣческая жизнь: ахъ! Боже мой! ахъ! Боже мой! ахъ! Боже мой! — Хорошо, пойдѣмъ; а отсюда можемъ зайти къ одной моей знакомой, у которой мужъ превеликой глупецъ.... а она женщина прелюбезная.... Но я всегда ужасаюсь, когда приходитъ мнѣ на мысль несчастное поврежденіе человѣческихъ нравовъ! Ахъ! какъ мало важна наша жизнь!.... Послѣ сего вышли они изъ прачтира; но я уже за ними не пошелъ, видя, сколько много обманулся въ моемъ мнѣніи, почтя философи такими, которые нимало не заслуживали сего почтеннаго названія.

П И С Ъ М О X L I V .

*Отъ Тнола Зора къ волшебнику
Маликульмулку.*

На сихъ дняхъ, любезный *Маликульмулкъ*, услышалъ я отъ пролетѣвшаго мимо меня Сильфа, что въ одномъ обширномъ Государствѣ, привлекомъ на себя, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, вниманіе всего свѣта, будетъ представлена новая драма. Любопытство мое въ ту же минуту принудило меня туда перелетѣть, и радоваться, что и въ сихъ холодныхъ мѣстахъ науки начинаютъ обогрѣвать своими лучами замерзлыя сердца жителей.

Вопи, скажешь ты, смѣшное желаніе, прыгая изъ Государства въ Государство и изъ театра въ театръ, только для того, что бы видѣть новое театральное зрѣлище, которое, можетъ быть, не стоитъ того, что бы заняться имъ два часа, и переносишься нѣсколько тысячъ верстъ

за тѣмъ, что бы послѣ бранилъ
 Авшора, дерзнувшего навести ужа-
 сную зѣвоту вдругъ тысячамъ двумъ
 народу, за наличныя ихъ деньги. — Все
 это можетъ статься; а особливо въ
 такія времена, когда театръ сдѣлался
 не училищемъ нравовъ, но ихъ раз-
 вращеніемъ; однако выслушай мое
 оправданіе: оно не въ иномъ чѣмъ со-
 стоитъ, какъ въ дошедшемъ до меня
 описаніи сего Государства: прочти
 его, и послѣ разсуждай, основательно
 ли было мое любопытство.

Что въ древни времена былъ Римъ,
 Чѣмъ славились Египетъ, Греки:
 То возрожденнымъ въ наши вѣки,
 Мы въ сей одной державѣ зримъ.
 Гражданъ уставы не жестоки,
 У нихъ лишь связаны пороки,
 Невольничѣтъ, хотя есть прокъ:
 У нихъ есть Царь, но есть законъ.
 Минерва правя въ сихъ мѣстахъ;
 Рабовъ не ищетъ малодушныхъ;
 Но хочетъ лишь дѣтей послушныхъ,
 Вперя къ себѣ любовь, не страхъ.

Во гнѣвѣ громъ ея ужасенъ;
 Но онѣ врагамъ однимъ опасенъ,
 Имъ мышцы льва ослаблены,
 И ломятся рога луны;
 Она не гонитъ и наукъ,
 Не дремлетъ, видя ихъ, отъ скуки.
 И можноль гнать пому науки,
 Кто дѣвушкамъ Парнаскимъ другъ?
 Кто съ рѣзвой Таліею стрѣлы
 Въ привычки мечетъ закрубѣлы,
 Что бы изъ нравовъ по извлечь,
 Что слабъ одинъ законъ пресѣчь.
 Въ счастливой этой споронѣ
 Суды воюютъ съ преступленьемъ,
 Но со спрасъми и заблужденьемъ
 Одни Писатели въ войнѣ.
 Невинности для обороны,
 И злобѣ въ страхѣ, цвѣшутъ законы;
 Расправа есть и шалунамъ,
 Театры глупыхъ учатъ тамъ.
 Въ такой цвѣтѣ счастливой долѣ,
 Въ лучахъ Оемиды и наукъ
 Не знаютъ тамъ, что быть въ неволѣ,
 Есть способы отбыть отъ скукъ:
 И лязла спрадать въ томъ обитаньѣ,
 Гдѣ есть порокамъ наказанье,
 Гдѣ осмѣянъ ждетъ глупецъ,
 А лавра войнѣ и мудрецъ.

Въ семѣ-то Государствѣ, какъ сказали миѣ, представлена буденѣ новая драма. Можно ли миѣ было заключить о ней что нибудь, кромѣ хорошаго? и сдѣлавъ сіе заключеніе не лепѣвъ въ тужъ минуту, чтобъ насладиться новымъ произведеніемъ просвѣщеннаго вкуса и ума. Я туда лепѣвъ съ обыкновенною намъ скоро-стію, и видѣвъ съ удовольствіемъ подъ собою великолѣпные города, пространныя поля, способныя для хлѣбопашества; зеленѣющіеся, и обѣщающіе богатую пажить луга; видѣвъ такъ же лѣса, моря и озера, которые всѣ являли изобиліе сей пространной чаши земнаго шара. Пролетѣвъ все это, влепѣвъ я наконецъ въ самый шеатръ, гдѣ принявши видъ человека посредственнаго сословія, успѣвъ еще занять выгодное для себя мѣсто. Я бы могъ и не плаща денегъ, въ моемъ собственномъ видѣ, занять самое лучшее мѣсто; но миѣ хотѣлось послушать разсужденія знаю-

ковъ о семъ новомъ зрѣлищѣ, и узнать лучше вкусъ зрителей и успѣхъ Автора.

Всѣ мѣста были въ минушу заняты, и въ амфи-театрѣ сдѣлалась такая тѣснопа, отъ которой модныя коски и пуговицы, думаю, очень много пострадали.

Конечно, спросилъ я у одного сидѣвшаго подлѣ меня, господинъ Аппоръ очень любимъ здѣшнимъ обществомъ, что такое множество собралось зрителей смотрѣть его сочиненія? — Нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ мой сосѣдъ, мы еще совсѣмъ не знаемъ Автора; но публика здѣшняя очень жаждетъ новостей, и часто въ зрѣлищѣ, которое даютъ въ первый разъ, бываетъ столь много зрителей, что еслилибъ послѣ заставили его играть круглый годъ сряду, то не собрали бы столько денегъ, сколько соберется во время перваго представленія. Многія зрѣлища бывають здѣсь такія, которыя могутъ похвалиться только

первымъ сборомъ: а для сей-то причины Авторы всегда скрываютъ свое имя для перваго раза, что бы обрадовать онымъ публику тогда, когда они увидятъ, что ихъ сочиненія торжественнѣе и въ послѣдующія представленія, что однакожь не всегда случается, и они часто принуждены бывающъ скромничать на- всегда своими именами.

Лишь только успѣлъ онъ сіе договорить, какъ вдругъ началась музыка; потомъ вскорѣ подняли занавѣсъ, и мы увидѣли то, чего не ожидали.

Человѣкъ съ сорокъ лѣтъ въ саду. Потомъ два садовника поссорились и чуть не подрались за какую-то причину, которую, видно, Авторъ почелъ важною; но она не стоитъ того, чтобъ объ ней упомянуть. Между прочимъ возвѣстили они, что ихъ баринъ чрезвычайной охотникъ до музыки, и что ждетъ къ себѣ въ гости какого-то музыканта, за котораго хочетъ выдать свою дочь.

Не много погодя, выходитъ одна изъ дочерей сего славнаго охотника музыки, (онъ имѣлъ двухъ дочерей) и лишь только она показывается, то мужики, которые подчищали въ саду деревья, просятъ ее, что бы она попѣшила ихъ, и спѣла бы имъ пѣсенку. Барышня, желая передъ ними пощеголять своимъ голосомъ, поетъ на иностранномъ языкѣ. Мужики восхищаются ея пѣніемъ: а она радуясь, что нашла людей, которымъ попрафила на вкусъ, зачинаетъ передъ своими холопами еще другую пѣсню, и опять на другомъ иностранномъ языкѣ. Мужики, которые, какъ кажется, и въ своемъ языкѣ не очень сильны, продолжаютъ восхищаться ея пѣснями, и просятъ ее еще передъ ними попѣть: а она не жалѣя для такихъ важныхъ слушателей своего горла, запрягиваетъ пѣсню на своемъ природномъ языкѣ, будучи въ себя отъ радости, что ее всѣ огородники хвалятъ, и потомъ уходитъ за чемъ-то къ своему бапюшкѣ.

Между обожателями ея голоса находится пущь молодой дворянинъ, который въ нее влюбился: и хотя онъ благородный человекъ и равенъ въ богатствѣ съ своею любовницею; но не зная, какъ за нее посвататься, и какъ войти въ домъ къ ея отцу, ничего не вздумалъ лучше, какъ въ своемъ господскомъ платьѣ и въ щегольской причоскѣ, пристать къ толпѣ деревенскихъ распрепанныхъ мужиковъ, и баянь, что бы охрипнуть, подтягивая имъ пѣсни, которыми ихъ господинъ извоилъ забавляться: а въ награду за это хотѣлъ увидѣть хотя свою любовницу, которая не зная его состоянія, сама въ него влюбилась, лишь только онъ передъ нее показался. Вотъ довольно пылкая любовь, и скорая рѣшимость для молодой деревенской дѣвушки, которая (какъ послѣ будетъ видно) выходивъ за сего любовника прежде, нежели успѣетъ узнать, какъ его зовутъ, не говоря уже о нравѣ.

И такимъ образомъ всякое лице поговоря на свою долю нѣсколько глупосней, и попѣвъ ни кспатѣ ни кѣладу, оканчиваютъ первое дѣйствіе.

Во второмъ дѣйствіи показывается самъ сей славный любитель музыки, и какъ онъ ни смѣшонъ ни жалокъ, говоришъ о музыкѣ не зная ее. Авторъ, какъ кажется, хотѣлъ, чтобъ зрители смѣялись надъ музыкой; но они ошибкою захохотали надъ Авторомъ. Будемъ однакожь продолжать наши примѣчанія. Нѣсколько спустя приѣзжаетъ къ нему изъ Италіи пѣвецъ, который до такой степени глупъ, что позабылъ свой природный языкъ и коверькаетъ въ немъ слова, какъ Нѣмецкой сапожникъ: такое рѣдкое въ немъ дарованіе очень нравился старику, и онъ спрашиваетъ у сего полу-Италіянца по разговорамъ, и полу-человѣка по уму: не хочешь ли онъ жениться на которой нибудь изъ его дочерей? Тотъ получаетъ время, что бы подумать о семъ выборѣ,

и встрѣчается съ нѣмъ дворяниномъ, который изъ любви къ своей *Дульцине* воспѣвалъ крестьянскимъ бабамъ. Они дѣлятъ между собою двухъ сестеръ, хотя послѣдній не знаетъ, понравился ли онъ своему нареченному тещю. Наконецъ въ третьемъ дѣйствіи заключается свадьба полу-Италіянца съ старшею дочерью любвишеля музыки, какъ вдругъ сказываютъ старику, чтобъ онъ выдалъ и другую дочь за подпѣвалу у крестьянскихъ бабъ; а дочка сама одобряетъ передъ бабюшкою своего жениха, котораго она столько знаетъ, что если бы онъ чрезъ три дни ей попался, то бы она со всѣмъ его не узнала. Женихъ выхваляетъ передъ спаричкомъ себя и свое знаніе въ музыкѣ: а потѣ, не простирая далѣе своихъ вопросовъ, обѣщаетъ завтра ихъ обвѣнчать. Сія пара столь была тому обрадована, что цѣломудренная невеста кричитъ во все горло, что когда она наживетъ себѣ съ своимъ

мужемъ пару дѣтей, (подлинно дѣвушкино желаніе!) то приготовишь имъ гудокъ и балалайку, или что-то такое, во что уже я не вслушался. Сіе желаніе такъ понравилось старику и другой его дочери съ полу-Италіянцомъ, что и они то же закричали; а напослѣдокъ сколько ни было тупъ крестьянъ и крестьянокъ, всякой изъ нихъ захотѣлъ по парѣ дѣтей и по гудку съ балалайкою, и тѣмъ окончили оперу, оставшись всѣ при такомъ прекрасномъ желаніи, котораго никакая честная и скромная дѣвушка не можетъ не краснѣясь произнести ниже передъ своимъ любовникомъ; а не только передъ шестьюдесятью людьми народомъ. Послѣ сего закрыли занавѣсъ, и это было самое лучшее мѣсто изъ всей оперы.

Вопи, любезный *Маликульмулкъ*, содержаніе сей оперы, я рассказалъ тебѣ его не прибавя отъ себя ни одного слова; скажи пожалуй, каково

оно, или лучше, естьли какое содержание въ сей оперѣ?

Я уже не говорю, какой имѣлъ предметъ Авторъ, незнающій театральныхъ правилъ, вывести человѣкъ шестьдесятъ на театръ, что бы задушить болтаніемъ ихъ и крикомъ честныхъ зрителей, и что такое онъ хотѣлъ осмѣять; ибо пороки у него торжествуютъ: спарикъ остается при своей слабости, и можетъ быть, будетъ крестьянъ своихъ отрывать отъ работъ для пѣсенъ, до тѣхъ поръ, пока самъ съ ними и съ любезными своими дочками и зятьями не околѣетъ съ голоду, что бы еще таки лучше было видѣть на театрѣ, хотя для отвращенія, что бы этаго не сдѣлалось и въ самомъ дѣлѣ; но сверхъ сей погрѣшности шумъ иѣтъ ни характеровъ, ни завязки, ни развязки, ни правильныхъ дѣйствій, ни умнаго, ни смѣшнаго: а это все, кажется, не лишнее въ шутливой оперѣ. Но я

и позабылъ тебѣ писать продолженіе моей повѣсти.

Лишь только закрыли занавѣсъ, какъ я оборотясь къ моему сосѣду, спрашивалъ у него: не уже ли позволено обременять публику всемъ, что какойнибудь Парнасской невѣжа набредитъ изволитъ. Театръ, говорилъ я ему, есть училище нравовъ, зеркало страстей, судъ заблужденій, и игра разума; но здѣсь ничего этого невидно. Всякой изъ зрителей ничего не узнаетъ новаго кромѣ того, что онъ заплатилъ деньги за то, что бы зѣвать до слезъ три часа, и противъ воли слушать бредни какого-то несчастнаго подлипалы Музъ. Это зеркало не страстей, но дарованія авторскаго, который на Парнассѣ, кажется, не изъ самыхъ пылкихъ; ибо онъ не примѣтилъ и того, что къ его сочиненію не придѣлано ни конца ни начала. Чтожь касается до игры ума, то не въ противность здѣшней учености, право Автору, кажется,

не чѣмъ было поиграть: а естѣли на театрѣ здѣсь представляются одни только разговоры и поютъ однѣ пѣсни, то лучше бы для слушателей было, выслушать однимъ присѣстомъ всѣ разговоры *Лукіановы* и *Аристотеля* съ своимъ сыномъ; и два, или три тома пѣсенъ вашего Автора, который нѣкогда по справедливости могъ ими пощеголять.

Ахъ! сударь, сказалъ мнѣ мой сосѣдъ, всѣ ваши слова справедливы; добрый вкусъ увсѣхъ просвѣщенныхъ народовъ одинъ, а глупое никакому разсудительному человѣку не поправится: но театръ здѣшній столь бѣденъ, что онъ долженъ представлять или переводныя, или подобныя сему сочиненія. Правда, мы могли бы видѣть болѣе новостей; но здѣсь выборъ въ сочиненіяхъ очень строгъ. Я знаю двухъ моихъ знакомыхъ, которыхъ сочиненія года съ три уже въ театрѣ; но нѣтъ надежды, что бы онѣ и еще три года спустя были

представлены, хотя можно побожиться, что онъ лучше эшой. — Вѣрю, сказалъ я; ибо это сочиненіе ни съ какимъ уже нейдетъ въ сравненіе, и мнѣ кажется, что человѣкъ, который выучился писать только склады, и прочелъ сочиненія два театральныя не написалъ бы такой вздорной драммы. Но для чего же здѣсь доступъ такъ шруденъ на театрѣ? — Для того, отвѣчалъ онъ, что почитаютъ благодѣяніемъ съиграть чье сочиненіе; въ прочемъ это расчетъ театра, и расчетъ такой, котораго польза, можетъ быть, примѣтна ему только одному. — Чудный расчетъ, говорилъ я, когда наблюдаютъ такую рѣдкую осторожность въ выборѣ; а даютъ глупости, которыя и на святочныхъ игрищахъ едва ли могутъ быть терпимы. — Но скажите мнѣ, спросилъ у меня мой сосѣдъ, какую причину имѣете вы нападать на здѣшній театрѣ? Не изъ числа ли вы тѣхъ Авторевъ, кото-

рые добиваются видѣть сѣигранными
свои сочиненія; и отдавъ ихъ, пи-
шутся нѣсколько лѣтъ одною наде-
ждою, что ихъ когда нибудь про-
чтутъ? — Нѣтъ, отвѣчалъ я; но я
еще хочу сочинять, и желалъ бы
знать, какія здѣсь нужны къ тому
правила. — Самыя простыя, сказалъ
онъ: во первыхъ смысла и остроумья
не надобно; правила театральныя со-
всѣмъ не нужны: берегитесь пуще
всего нападать на пороки, для того
что Комедія написанная на какой ни-
будь порокъ почитается здѣсь лично-
стию; берегитесь такъ же имѣщать
острыя шушки въ ваше сочиненіе;
ибо здѣсь говорить умно на театрѣ
почитается противнымъ благопри-
стойности; а надобно, чтобъ ваши
дѣйствующія лица говорили такъ
просто и не оспро, какъ говорятъ
пьяные, или сумасшедшіе: словомъ,
возмите въ примѣръ нынѣшнюю оперу
и напишите ей подражаніе; тогда
можете надѣяться, что ее когда

нибудь представлятъ, и васъ театрѣ
включишь въ число своихъ Авторѣ,
а публика въ число мучителей, наво-
дящихъ ей зѣвоту. Послѣ сего онѣ
отъ меня отшелъ, и оставилъ меня
удивляться такимъ чуднымъ прави-
ламъ театра, и желанію нѣкоторыхъ
безпокойныхъ головъ, которыя нена-
видя жить въ спокойной неизвѣст-
ности, собираютъ тысячи двѣ народу,
что бы заставить ихъ смѣяться надъ
своимъ дурачествомъ.

П И С Ь М О XLV.

*Отъ Силсфа Виспрепара къ волшеб-
нику Маликулъмулку.*

Недавно, почтенный Маликуль-
мулкѣ, пролеталъ я поверхъ столицы
великаго Могола. Сей городъ обширно-
стію своею и великолѣпіемъ обратилъ
на себя мое вниманіе, которое пѣмъ
болѣе умножилось, когда примѣтилъ
я подлѣ одного огромнаго зданія вели-

кое собраніе народа. Въ тужѣ минушу спуспившись въ городѣ сдѣлался я невидимымъ и пошелъ прямо въ тотъ домъ. Я узналъ, что то былъ дворецъ, и прошедъ до внутреннихъ чертоговъ, увидѣлъ тамъ молодого Государя, окруженнаго своими вельможами, который по смерти своего отца, въ тотъ самый день взошелъ на престолъ. Я съ великимъ любопытствомъ желалъ видѣть, что будетъ происходить при семъ достопамятномъ случаѣ, и для того подошедъ, сталъ подлѣ самаго юнаго владѣтеля. Не безъ удивленія взиралъ я на льстивыя привѣтствія, дѣланныя сему Государю отъ всѣхъ представшихъ предъ него для поздравленія, или лучше сказать для гнуснаго ласкательства. Я хочу увѣдомить тебя, почтенный *Маликулмулкъ*, о всемъ, что тамъ въ глазахъ моихъ происходило.

Стихотворцы той земли подносили сему Государю сдѣланныя въ по-

хвалу его свои сочиненія, въ которыхъ выводили родъ его отъ боговъ. Вельможи повергаясь къ ногамъ его говорили: „Хотя мы любили покойнаго твоего родителя, но тебя любимъ и почитаемъ гораздо больше. Къ нему привержены мы были по нашей только должности; но къ тебѣ прилѣпляемся всѣми нашими сердцами. Онъ осыпалъ насъ благами; но какъ ты одаренъ превосходительнымъ предъ нимъ разумомъ, то мы ожидаемъ отъ тебя болѣе щедрости, и за сію цѣну готовы пролить за тебя кровь нашу до послѣдней капли, въ какомъ бы то случаѣ ни было: для побѣжденія ли враговъ твоихъ, или для приведенія въ повиновеніе тѣхъ изъ твоихъ подданныхъ, которые вздумали бы осуждать оказанныя тобою намъ милости, „

„Высокомощный Государь! возопилъ одинъ изъ нихъ, доставь мнѣ честь держасть стремя у ноги твоего

блистательнаго Величества, со ста тысячами рупіевъ, присоединенными къ сему досюинству, и препоручи, изъ милости, въ мое управленіе небольшую обласнь, копорая не болѣе пяти сотъ миль заключаеиъ въ своей окружности. — Съ охотою сіе исполню, сказалъ ему Государь; но когда ты будешь жишь въ той области, копорая разстояніемъ отсюда четыре ста миль, то кто тогда будиъ держать мое спремя? — Ваше пресвѣтлое Величество, отвѣтствовалъ придворный, вотъ здѣсь предстоииъ предъ тобою молодой *Мандаринъ* второй степени, который почтеніъ превеликою чеснію, исполняиъ сію должность въ мое отсутствіе, и быиъ при лицѣ твоего Августѣйшаго Величества, ежели только опредѣлишь ты ему ежегодно по двѣ тысячи рупіевъ, и дашь въ его управленіе двѣнадцать кораблей, которые препоручиъ онъ своему помощнику, дабы самому всегда быиъ въ готовности держать твое спремя. „

„Ваше благоуханное Величество, вскричалъ другой! понеже каждая изъ твоихъ потовыхъ скважинъ подобна самочистѣйшей амбрѣ, которая при сгорѣніи своемъ испускаетъ отъ себя пріятнѣйшее благоуханіе, и понеже каждая исходящая изъ тебя капля твоего пота имѣетъ ароматный запахъ; то для того всенижайше тебя прошу, удостойшь возложеніемъ на меня почтенной и увеселительной должности, чистить твое бѣлье и отирать грязь съ твоего тѣла. Буде же соблаговолишь ты присоединить къ сей пріятнѣйшей должности чинъ главнаго начальника надъ всѣмъ твоимъ коннымъ войскомъ, то тѣмъ исполнишь желанія твоего усерднѣйшаго раба, который не питаетъ въ груди своей нисколько корыстолюбія, и который желаетъ получить изъ твоего сокровища чепыре или пять тысячъ рупіевъ, единственно для того, чибѣ быть въ состояніи имѣть самые тонкіе и всегда чистые

платки, которыми благоугодно тебѣ
будетъ приказать мнѣ спирать съ
твоего благоуханнаго тѣла потъ и
грязь, коихъ запахъ весьма пріятенъ
для всѣхъ окружающихъ твою вели-
чественную особу.,,

По семъ третій подступя, гово-
рилъ: о божество, обитающее на
землѣ! Ты вкушаешь по четыре раза
въ день единственно для того, дабы
симъ примѣромъ учинить для насъ
наши нужды сносными; удостой меня
быть твоимъ хлѣбникомъ, а вмѣстѣ
съ онымъ повели, чтобъ я имѣлъ
честь представлять славу твоего по-
бѣдоноснаго Величества у двора Ки-
тайскаго Императора. — Но ты, ска-
залъ Монархъ.... Правда, перехватилъ
Мандаринъ, что я не знаю языка
Китайскаго: а еще менѣе того мнѣ
извѣстно, какія дѣла твои могутъ
быть съ Государемъ Китайскимъ; но
ты будешь во мнѣ имѣть въ *декниѣ*
человѣка надежнаго, который со
всѣмъ усердіемъ будетъ тамъ пред-

ставлять собою образъ твоей свя-
 щеннѣйшей особы, и будетъ точный
 твой языкъ. Когда ты скажешь *да*,
 тогда и я скажу *да*, когда ты ска-
 жешь *нѣтъ!* *нѣтъ!* и я скажу то же.
 Если же нужно бы было что ни-
 будь подписать, то я бы оное подпи-
 салъ, дабы имя твоего полномочнаго
 Министра не было обезчещено. Тебѣ
 потребно только будетъ дать мнѣ
 шесть сотъ рупіевъ, какъ такому
 человеку, который дѣлать будетъ
 все, но ничего не будетъ значить.
 А какъ я имѣю хорошій достатокъ,
 то и буду доволенъ одною только
 честию, представлять твое лицо
 съ четырьмя тысячами рупіевъ, при-
 соединенными къ сему достоинству,
 и съ тремя тысячами для содержанія
 моей важной особы, что составитъ,
 съ небольшими издержками на про-
 ѣздъ, на бумагу, на кисти и на чер-
 нила, около девяти тысячъ рупіевъ. —
 Я не то хотѣлъ сказать, говорилъ
 Императоръ; ты хочешь быть моимъ

хлѣбникомъ, а я никогда не думалъ, что бы шы умѣлъ печь хлѣбы. — Это правда, ваше сладкобдущее Величество, что я печь хлѣбы не умѣю, да и никогда ни одинъ главный хлѣбникъ изъ всѣхъ бывшихъ при твоихъ небесныхъ предкахъ не зналъ даже, какъ за нихъ и приняться; но я предъ всѣми ими имѣю то преимущество, что одинъ изъ моихъ секретарей имѣетъ сестру, у которой горнишная дѣвка племянница внученика брата одного изъ наилучшихъ хлѣбниковъ въ твоемъ Государствѣ. На сіе Государь имѣ отвѣтствовалъ: не лучше ли бы было, чтобъ конюхъ поддерживалъ стремя у моего сѣдла, чтобъ комнатный мой служитель имѣлъ смотрѣніе за моимъ бѣльемъ, и чтобъ пошлѣ человекъ, который умѣетъ печь столь хорошіе хлѣбы, былъ непосредственно моимъ хлѣбникомъ? Всѣ предстоящіе вельможи единогласно возопили: о Государь, въ пять разъ наипремудрѣйшій! отврати

твои проищательные взоры отъ сихъ
нелѣпыхъ подробностей, которыя
умалятъ твою великую душу: не-
отмѣнно нужно, чтобъ въ Государ-
ствѣ твоємъ были чины посред-
ственные, и чтобъ не тотъ самъ
держалъ твое стремя, которому
должно его держать, и чтобъ твой
хлѣбъ проходилъ, или, по крайней
мѣрѣ, почивался проходящимъ между
рукъ семидесяти пяти чиновныхъ,
прежде нежели достигнетъ до божес-
ственныхъ устъ твоихъ; не по-
мышляй болѣе ни о чемъ, какъ влады-
чествовать надъ нами, и оставь намъ
попеченіе о учрежденіи всѣхъ вещей
въ надлежащій порядокъ, безъ вся-
каго корыстолюбія, чрезъ посредство
восемидесяти тысячъ рупіевъ, ко-
торыя ты будешь раздавать каждому
изъ насъ ежегодно, и... ооооо.

Въ самое сіе время, когда вель-
можи разглагольствовали такимъ обра-
зомъ съ Государемъ, и когда весь на-
родъ питался безумною утѣхою,

(ибо имѣ возвѣщено было о возвращеніи злаго вѣка, котораго никогда не бывало, и увѣряли ихъ, что самыя жирныя колибри совсѣмъ уже изжаренныя будутъ къ нимъ ниспавать съ небесъ, и что имъ не нужно будетъ ни о чемъ имѣть никакого попеченія), и кто продирался сквозь толпу сего народа, близъ Царскихъ чертоговъ предстоящаго, и кричалъ: „Злодѣи! они развратили нашего „юнаго Государя!“, ... Народъ почелъ его безумцемъ; вельможи кричали, что этотъ человѣкъ весьма опасенъ; а тѣлохранители Государевы усматривали ясно въ семъ дерзкомъ поступкѣ величайшее преступленіе, и въ слѣдствіе сихъ прехъ основательнѣйшихъ умозаключеній, дерзновенный былъ отъ всѣхъ угрожаемъ именемъ Императора, который о томъ совсѣмъ ничего не зналъ. Насиліе, дѣлаемое многими противъ одного человѣка, произвело и некоторое смятеніе и шумъ, который наконецъ до-

спигѣ до чертоговъ Государевыхъ. Что тамъ такое? говорилъ онъ, кто тамъ? — Это злодѣй.... отвѣтствовали ему.... Это возмутитель.... Ктобъ онъ таковъ ни былъ, сказалъ Государь, велите его представить предъ меня.

По нечаянности случился тамъ одинъ чиновный, который былъ нѣсколько уважаемъ потому, что имѣлъ право выгонять изъ комнатъ собакъ, и заставлялъ молчать придворныхъ, находящихся въ Царской прихожей. Этошъ самый чиновный, такъ же по особливому случаю, былъ покровителемъ тому дерзновенному человѣку; онъ тотчасъ узналъ его по голосу, и видя какому бѣдствію тотъ себя подвергалъ, забылъ всю должную скромность, и не могъ воздержаться, чтобъ по чувствительности своей не оказать о немъ своего сожалѣнія.... Ахъ! несчастной! сказалъ онъ.... Какъ! ты его знаешь? спросили у него. — Да, немного. — Кто же

онѣ таковѣ? — При семѣ вопросѣ *Придверникѣ* поблѣднѣеѣ и запрепетавѣ отѣ сираха, говорилѣ сквозѣ зубы: онѣ это бѣднякѣ это одинѣ . . . изѣ тѣхѣ которые пишутѣ. — Какѣ его зовутѣ? такѣ это писатель? — Да, . . . онѣ . . . пишетѣ книги.

Спаршій изѣ Емировѣ, предстолщихѣ предѣ Государемѣ, ему сказалѣ: ваше непостижимое Величество, жизнь всѣхѣ людей въ твоихѣ рукахѣ: повели сего дерзновеннаго предать казни; это не первое уже его преступленіе. Онѣ обманщикѣ; онѣ бродяга; онѣ скитался по всей землѣ подѣ предлогомѣ исканія истины: не унижай себя до того, чтобѣ войти съ нимѣ въ разговоры; ты тѣмѣ только себя обезчестишь, но его ни чѣмѣ не уличишь; онѣ всегда тебя будетѣ увѣрять, что говоритѣ истину: онѣ изѣ всѣхѣ людей, коимѣ ты позволяешь наслаждаться жизнью, самый опаснѣйшій; о немѣ сказывали, что онѣ Геогра. . . .

Нѣтъ! Геометръ. При каждой пода-
ти, которую мы налагаемъ на народъ
твоимъ именемъ, онъ дѣлаетъ вы-
численіе, соображая справедливость
сего налога, съ возможностью оный
платить. Еще не прошло трехъ лунъ
отъ того времени, когда дерзалъ онъ
предлагать, чтобъ сдѣлать уравненіе
въ цѣнѣ жизненныхъ припасовъ съ
цѣнами разныхъ бездѣлокъ, служащихъ
къ нашему украшенію; такъ какъ бы
должна была быть соразмѣрность
между оными вещами.

Я тебя понимаю, сказалъ юный
Моголъ; однакожь хочу выслушать и
сего человека. Подойди сюда, другъ
мой! Спражи! пропусти его.....
Какое твое преступленіе? — Истина,
Государь! отвѣтствовалъ смѣльчакъ,
всѣ мудрецы, жившіе въ прежніе вѣки,
говорили, что чрезмѣрная похвала,
а при томъ и безъ всякихъ еще за-
слугъ, повреждаетъ доброту природ-
ныхъ склонностей: самый же оный
доказалъ мнѣ справедливость сихъ

изреченій; ибо въ самомъ дѣлѣ тѣ Государи, кои наиболѣе въ жизни ихъ превозносимы были похвалами, не были отъ того лучшими. — Изъясни мнѣ сіе, — сказалъ Монархъ. — Съ охотою, отвѣпствовалъ ему другъ ищины. Внемли, почтенный юноша! Ахъ! какое богохуліе! возопилъ Емиръ, и выхватилъ изъ ноженъ широкій мечъ; но Императоръ однимъ взоромъ своимъ усмирилъ Емира, и повелѣвъ ему вложить мечъ въ ножны приказалъ Орапору продолжашъ свою рѣчь. Тогда онъ девять разъ повергался къ ногамъ его, и три раза лобызалъ нозомъ втораго пальца у лѣвой ноги Императорской, въ знакъ всеуниженнѣйшей благодарности, слѣдуя обычаю той земли: потомъ положивъ руку на свою чалму и не снимая ее, такъ же слѣдуя обычаю, говорилъ.

Почтенный юноша!

Ты былъ предназначенъ вышнимъ Провидѣніемъ владычествовать надъ

великимъ народомъ; но гнусная Полит-
 шика, или лучше сказать, подлое ла-
 скашество сокрыло отъ тебя дол-
 жности присоединенныя къ сему до-
 стоинству. Между тѣмъ непредви-
 димый ударъ постигъ минушою
 твоего владычества; ты восходишь
 теперь на родительскій престолъ, и
 тщеславное властолюбіе, изъ коего
 ты доселѣ не дѣлалъ никакого упопре-
 бленія, еще тебя не ослѣпило; ты
 учинился Монархомъ, но не преста-
 лъ еще быть человѣкомъ; ты долженъ
 теперь принимать поздравленія отъ
 всего рода человѣческаго.

Увѣряюте, что вы ищете истину:
 и такъ видно, вы не хотите умно-
 жать число тѣхъ высокомѣрныхъ
 Государей, которые во время цар-
 ствованія своего были только знаме-
 нитыми злодѣями; а предпочтеніе
 предъ онымъ, желаете быть постано-
 вленъ между малымъ числомъ Госуда-
 рей добродѣтельныхъ. Да возблаго-
 даримъ за сіе троекратно Бога.

Почтенный юноша!

Внемли. Если Государи не любятъ истины, то и сама истина, съ своей стороны, не болѣе къ нимъ благосклонна. Она ихъ не ненавидитъ; но страшится, и не иначе сноситъ ихъ присутствіе, какъ цѣломудренная дѣвица пріемлетъ обвѣщія своего похищеннаго.

Есть однакожь такіе примѣры, что она и коронованныхъ главъ имѣла своими любимцами: и буде слава могла бы быть наслѣдственной, то я могъ бы назвать тебѣ нѣкоторыхъ изъ твоихъ предковъ, къ которымъ она оказывала немалое уваженіе, и являлась предъ ихъ лице во всей наготѣ своей; но заслуги предковъ никому не придаютъ знаменитости, и ты не можешь требовать ея благосклонности, не учинившись дѣлами своими того достойнымъ.

Помни, что для Монарховъ не всегда довольно бываетъ одного только

того, чтобъ любить истину и оною обладать; ибо проякая личина корыстолюбія, страха и ласкательства, прикрываетъ всѣ лица, повергающіяся у подножія престола, и величество твоего достоинства есть главнѣйшая препона, которую ты паче всего преодолевать долженъ въ желаемомъ тобою исканіи истины.

Ты не обрящешь ее въ устахъ твоихъ льстецовъ, которые безъ сомнѣнія находятся между окружающими тебя вельможами. Есть конечно между ими иѣкоторые и такіе, которые желали бы наставить тебя на путь истины, если бы только могли имѣть дерзновеніе, или не находили бы почти таковыхъ же препятствій, какія предстоятъ тебѣ для ея познанія. Гласъ народа такъ же не можетъ быть надежнѣйшимъ способомъ для ея открытія. И такъ, къ кому же ты долженъ прибѣгнуть въ семъ случаѣ? къ мудрецамъ твоего Государства.

Но ты долженъ знать, что мудрецъ не есть изъ числа тѣхъ угрюмыхъ смертныхъ, имѣющихъ нечувствительное сердце и отвратительный видъ, которые никогда ничего не хвалятъ, которые на все непрестанно произносятъ хулу, и суровостию своею оскорбляютъ наши слабости, не дѣлая насъ лучшими.

Онъ не являетъ въ себѣ такъ же излишняго восторга и неумѣренной привязанности къ челоуѣколюбію; ибо шаковое неблагоразумное состраданіе приводитъ оное въ большее ослабленіе, и потому не сострадаетъ равно, какъ о преступникѣ заслуживающемъ достойную казнь, такъ и о невинномъ сильными притѣсняемомъ: шаковой можетъ назваться челоуѣконенавистникомъ, который думаетъ, что вся чувствительность заключается въ одномъ только его сердцѣ, и онъ скоро бы учинился жертвою другихъ людей, если бы успѣлъ поселить въ нихъ тѣ чувства, которыя самъ къ нимъ оказываетъ.

Еще менѣе уподобляется онѣ тому строгому отшельнику, коего великое смиреніе питається желчію умерщвленія страстей; коего разумѣ будучи возмущаемѣ болѣе страхомѣ, нежели слабою надеждою, съ свирѣпостію пожираетѣ сіе гнусное противоборствіе; который не иначе, какѣ съ проклинаніемѣ исполняетѣ должности налагаемыя на него его своенравіемѣ. Будучи надменѣ, а еще болѣе того несчастенѣ тѣмѣ, что лишился всей чувствительности, осуждаетѣ онѣ въ другомѣ употребленія тѣхѣ чувствѣ, которыя самѣ въ себѣ умертвилѣ долговременнымѣ усиленіемѣ. Онѣ тѣмѣ болѣе превозносился своею строгою жизнію, чемѣ мучительнѣе было для него преодолевать бунтующія въ немѣ страсти; а потому всякаго того почитаетѣ своимѣ врагомѣ, кто опровергаетѣ сіи его поступки. Таковой можетѣ почестѣся гнуснымѣ обманщикомѣ; ибо онѣ единственно для того превозноситѣ похвалами носи-

мыя имѣ тягостныя оковы, дабы обременить оными тѣхъ, коихъ блаженство причиняетъ ему нестерпимое мучение.

Почтенный юноша!

Мы всѣ карлы: одинъ только Богъ великъ. Для сего-то самого онъ помѣстилъ добродѣтель не на безплодной вершинѣ неприступной горы; но на жертвенникѣ соплемениомъ изъ розъ, находящемся посреди прекраснѣйшей роши, которая въ тысячу разъ прелестнѣе той, гдѣ мы полагаемъ быть жилищу *Вистноу*. При входѣ въ оную лежатъ сто дорогъ: премудрый Строитель міра столь искусно расположилъ сіе мѣсто, что путешественникъ, при первомътуда вступленіи, съ удивленіемъ бываетъ влекомъ къ концу своихъ желаній.

Не подалеку отсюда находится излучистая пещера, въ которой обитаетъ ипѣнь совершенства: путь туда ведущій познается по колючимъ терніямъ, и по великому множеству за-

труднѣй, непрестанно между собою сражающихся, желая получить жезлы и мечи, приготавливаемые *самолюбіемъ* для увѣнчанія *тщеславія*.

И такъ, ты долженъ различать истиннаго мудреца отъ хитраго обманщика, который нося на себѣ обманчивую личину, старается припворною наружностію таковымъ казаться.

Истинный мудрецъ имѣетъ видъ веселый, взоръ неробкій и усмѣшку непринужденную. Его черты никогда не помрачаются неумѣренною радостію, ни, чрезвычайною печалію: его неприпворная веселость означаетъ спокойствіе души его. Онъ не всегда бываетъ счастливъ; однакожь никогда не терпитъ несчастія, для того, что его не терзаетъ никакое угрызеніе совѣсти. Посреди самаго бѣдствія сохраняетъ онъ совершенное равновѣсіе, котораго никакое благоденствіе и никакіе дары счастія поколебать въ немъ не могутъ.

Хотя мудрецъ, такъ же какъ и другіе люди, бываетъ подверженъ

спрасямъ; но онъ изъ нихъ умѣетъ дѣлать лучшее употребленіе.

Почтенный юноша!

Ежели ты найдешь такого мудреца между многочисленными обитателями обширнаго твоего владѣнія: прилѣпись къ нему и привлеки его къ себѣ своими милостями; удостой его твоей довѣренности и позволь ему съ собою бесѣдовать; чти его какъ отца и люби какъ друга! Когда же ты дѣлами своими дослужишь до того, что и онъ тебя будетъ почитать своимъ другомъ; и когда, слѣдуя мудрымъ его наставленіямъ, будешь ты умѣть различать истинную похвалу отъ ласкательства, тогда можешь принимать отъ всѣхъ похвалы, безъ всякой опасности ими развратиться; ибо тогда ты будешь человекомъ, достойнымъ владычествованія надъ всѣми земными обитателями.

Вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать. Я тебя не хвалилъ; но изъяснилъ,

какъ долженъ ты поступать, дабы сдѣлаться похвалы достойнымъ.

Тогда Государь, обратясь къ придворнымъ, сказалъ: „Этотъ человѣкъ, кажется мнѣ не столь безуменъ и злобенъ, какъ вы о немъ мнѣ говорили; я беру его подъ мое покровительство и приказываю, что никто не дерзалъ дѣлать ему ни малѣйшаго оскорбленія, и чтобы дали ему изъ моей казнохранильницы богатое платье и тысячу рупіевъ.„ Придворные услыша сіе, ворчали что-то тихонько сквозь зубы: а придверникъ, который успрашилъ ошъ того, что защищалъ сего мудреца, опять принялъ на себя веселый видъ.

Послѣ сего юный Императоръ сдѣлался задумчивъ. Придворные заключали изъ того, что въ немъ не было разума, а одинъ изъ нихъ, будучи смѣлѣе прочихъ, дерзнулъ спросить Государя: что такое могло возмутить спокойствіе Его Величества, въ день посвященный всѣмъ веселостямъ, и когда онъ со всѣхъ сторонъ

осыпаемъ безчисленными похвалами?—
 Отъ того-шо я и смущаюсь, отвѣп-
 ствовалъ юный Владѣтель, что я еще
 не заслужилъ сихъ похвалъ; можетъ
 быть со временемъ я буду ихъ до-
 стоинъ, и тогда наслаждаюсь буду
 ими съ большимъ удовольствіемъ по-
 тому, что я люблю истинну.

Старый *Емиръ*, который хотѣлъ
 отрубить голову мудрецу, чтобъ за-
 спавить его молчать, вскричалъ :
 Государь! я о закладъ бьюсь, что
 этотъ негодный умствователь, ко-
 торый теперь говорилъ предъ тобою
 дерзкую свою рѣчь, смутилъ веселый
 духъ твоего проникающаго Величе-
 ства. Сии опасные люди приносятъ
 съ собою унылость, и я думаю, что
 онъ повергъ бы въ задумчивость и
 самого *Вистну*, находящагося посреди
 семи сотъ придцани девяти прекра-
 сныхъ дѣвицъ, которыя непрестанно
 щиплютъ ему бороду, въ восемнадца-
 томъ небѣ. Да будетъ твоекратно
 проклятъ этотъ возмутитель со
 всею своею истиною! Для разогна-

нія мрачныхъ паровъ, которые дерзнулъ онъ разлить на нерушимое твое спокойствіе, въ то время, когда ты не долженъ ничего знать, кромѣ забавъ и веселостей, всенижайшій рабъ послѣднѣйшаго изъ словъ твоихъ, совѣтуетъ тебѣ удостоить своимъ присутствіемъ одно забавнѣйшее зрѣлище, которое я приготовилъ въ пріемной твоей залѣ. — Посмотримъ, что это такое, сказалъ Императоръ, весело ли оно? — Очень забавно и чувствительно! отвѣтствовалъ Емиръ. — Придворные всѣ единогласно хвалили выдумку Емира, и спрашивали: кто учреждалъ сіе торжество? — Имъ отвѣтствовали, что учредитель онаго былъ Како-Музи-Драма-Лармой-Ризу. При семъ имени всѣ вскричали. — А! а! мы его знаемъ, онъ человѣкъ преискусной. — И некорыстолюбивой. — Онъ разорилъ съ двадцать *Мандариновъ*, не обогативъ себя. — Это правда. — Да какъ онъ могъ въ такое короткое время приготовить столь великолѣпное зрѣлище? — Которое

припомъ и очень мало стоипѣ. — А сколько? — Двѣсти тысячъ рупіевъ. — Какъ! только двѣсти тысячъ! эпо невѣроятно. — Совсѣмъ невѣроятно!... Говоря такимъ образомъ, пошли они всѣ въ залу смотрѣть зрѣлища; а я полетѣлъ въ свой путь, проклиная подлоспѣ льстецовъ, которые, кажешя, полагаютъ въ томъ свою славу, чтобъ сердца Монарховъ опвращать опѣ добродѣтели, и заграждають истинѣ путь къ престолу. Пожелай со мною, любезный *Маликулликулъ*, чтобъ сей молодой вѣице-носецъ не подпалъ участи многихъ Государей, которые слушають ласкательства для своего удовольствія, а наставленія мудрецовъ для того, чтобъ по вечерамъ засыпать опѣ ихъ нравоученія.

П И С Ь М О XLVI.

*Отъ Тнола Зора къ волшебнику
Маликульмулку.*

Чѣмъ болѣе живу я между людьми, тѣмъ болѣе испребляется въ моихъ мысляхъ то понятіе, которое я имѣлъ о нихъ, видя тебя, любезный Маликульмулкѣ, и нѣкоторыхъ подобныхъ тебѣ мудрецовъ: и тѣмъ больше кажется мнѣ, будто я окруженъ безчисленнымъ множествомъ куколъ, которыхъ самая малая причина заставляетъ прыгать, кричать, плакать и смѣяться. Знатная барыня заплачетъ, и въ ту же минуту всѣ лица вокругъ нее сморщатся; большой баринъ улыбнется, и вдругъ собранные вокругъ его машинки на красныхъ коблучкахъ зачинаютъ хохотать во все горло. Никто не дѣлаетъ ничего по своей волѣ; но всѣ, какъ будто на пружинахъ, коими движутъ такіа же машины, называемыя: *свѣтская благопристойность*,

щекотливая тестъ, обряды и моды. Тебя можетъ быть удивляетъ слово *тестъ*, противъ которой я вооружаюсь; но знай, что это не та честь, которую разумѣли древніе, и я не знаю, почему сію пружину называють нынѣ честью. Древняя повелѣвала быть обходительну; а нынѣшняя подымаетъ у всѣхъ своихъ машинъ вверхъ носы. Первая заставляла прощать обиды; а вторая за нечаянно выговоренное слово повелѣваетъ у своего мнимаго непріятеля обрѣзать уши, или убить его до смерти. Ты увидишь самъ, справедливо ли мое на нее вооруженіе, когда я расскажу тебѣ поступокъ, къ которому принудила сія пружина нѣкоторыхъ куколъ, которыя не дѣлаютъ ни одного движенія безъ постороннихъ дѣйствующихъ ими причинъ: но всеѣмъ тѣмъ называють себя свободными.

Недавно зашелъ я къ одному изъ моихъ знакомыхъ, съ коимъ можно проводить многіе часы не теряя времени. Я засталъ его зѣвающего надъ

нововышедшею въ свѣтъ книгою, и пошому онъ не досадовалъ, чпо я прервалъ скучное для него членіе. Конечно эта книга достойна хулы, любезный другъ! сказалъ я ему, когда ты надъ нею зѣваешь? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, это одна изъ такихъ книгъ, которыя и цѣнить стыдно: десять модныхъ повѣсѣ разхвалили мнѣ ее, какъ твореніе-отличнѣйшаго Автора, и я зная цѣну ихъ похвалъ, взялъ себѣ эшѣ трагедіи только для того, что бы ихъ читать отъ бессонницы, и теперь желая поскорѣе заснуть, за нихъ принялся. — Да почемужь эта книга сполько нравится, говорилъ я, тѣмъ повѣсамъ, которые тебѣ ее расхвалили? — Пошому, отвѣчалъ мнѣ мой знакомецъ, чпо въ ней есть новоспи, небывалыя на нашемъ театрѣ; напримѣрѣ: въ ней оспѣвающѣ Государя при его глазахъ тогда, когда онъ прогуливается спокойно между своими оспѣвальщиками, и потомъ, чего такъ же нигдѣ не видано, онъ желая скрыться отъ своихъ не-

пріятелей, не выбралъ въ городъ ни одного дома, въ которомъ могъ бы жить тайно, и поселился на кладбищѣ, гдѣ всегда множеству бываетъ набожныхъ прихожихъ, посѣщающихъ гробницы своихъ сродниковъ: это такъ же умно сдѣлано, какъ, если бы кто, желая спрятать поскрыпнѣе деньги, не выбралъ ничего безопаснѣе, какъ положить ихъ на большой улицѣ. Тутъ есть и еще новость, что пронырливый и хитрый злодѣй, который во всѣхъ своихъ дѣлахъ старается себя скрывать, и казаться справедливымъ, схватывается бранишься съ восьмилѣтнимъ ребенкомъ, который вмѣсто того, чтобъ оробѣть отъ его крика, дѣлаетъ передъ нимъ скороспѣжныя правоучительныя вирши; а злодѣй отвѣчаетъ ему такъ же скороспѣжными эпиграммами, выбранными изъ лучшихъ Французскихъ Писателей.

Да скажи мнѣ, спрашивалъ я его, развѣ нѣтъ у васъ правилъ, копо-

рымъ слѣдую, можно бы было избавиться всѣхъ такихъ погрѣшностей? — У насъ, отвѣчалъ мнѣ неугомонный криптикъ, Авторы слѣдуютъ общему правилу, и тотъ кто желаетъ сдѣлать какое твореніе, долженъ только дать ему имя; доспальное же все, какъ неспосное рабство, выкинуто изъ употребленія. — Я ничего не пойму изъ эшаго. — О! я вамъ расшолкую яснѣе; напримѣръ: Авторъ, который имѣлъ терибніе набрать изъ разныхъ мѣстъ большую шепрашь стиховъ, думаетъ, что онъ уже исполнилъ всѣ правила, естли поставилъ надъ симъ собраніемъ стиховъ въ красной строкѣ: Трагедія, и попомъ раздѣлилъ на пять разныхъ доль, которыя назвалъ дѣйспвіями. Такимъ образомъ не рѣдко посшупаетъ и сей Авторъ, не заботясь о томъ, кспашпи ли онъ назвалъ кучу стиховъ, разговоровъ и опредѣленій, Трагедіею, и подлинно ли она кончипся тамъ, гдѣ онъ конецъ высшавилъ изволилъ. Отъ того-то и другіе

наши Авторы, на удачу разрѣза-
 вають свои стихи между дѣйствіями,
 и не рѣдко ошибкою ставятъ конецъ
 страницами прицатью позже, не-
 жели ему быть надобно. Случается
 иногда и то, что тамъ, гдѣ должно
 поставитьъ конецъ, ставятъ начало,
 и такимъ образомъ часно публика
 имѣетъ удовольствіе видѣть, что
 драммы выставляютъ передъ нею за-
 домъ напередъ; но я вамъ все это
 растолкую въ моихъ примѣчаніяхъ на
 здѣшній театръ, гдѣ между прочимъ
 помѣстилъ я и то, что перерѣзаетъ
 себѣ глотку за товарищество, безъ
 всякой нужды, не естъ трагическое
 дѣйствіе, и что никто не станетъ
 плакать о томъ, естъли мужъ запря-
 тавшись въ гробницу, станетъ спра-
 шать свою жену, какъ маленькихъ
 ребятъ спрашиваютъ букою, и она
 испугавшись мнимого мерзвца упа-
 денъ въ обморокъ, между тѣмъ, какъ
 наперстница ее, слыша тотъ же
 голосъ, съ драгунскою твердостію
 перенесетъ нечаянную вылазку по-

койника изъ гробницы: и гдѣ такъ же мнѣ хочется доказать, что Переводчикъ и Сочинитель не есть одно: и что очень дурно переведенное сочиненіе называть своимъ: въ такомъ случаѣ на всякомъ Европейскомъ языкѣ могли бы быть Сочинителями Иліады, Енеиды и Телемака, ко вреду истинныхъ ихъ Авторовъ. Разсерженный мой замѣчатель продолжалъ бы долѣе свои разсужденія, еслибъ нечаянный шумъ, сдѣлавшійся въ ближней комнатѣ, не привлекъ къ себѣ нашего вниманія.

Едва поразилъ онъ нашъ слухъ, какъ вбѣжала къ намъ въ комнату молодая расстрепанная женщина. Государи мои! кричала сія красавица, сжалътеся надъ моимъ состояніемъ и воспрепятствуйте, чтобъ не произошло въ комнатахъ моихъ кровопролитія: двое бѣшеныхъ господъ дошли до такой крайности, что въ состояніи перерѣзали другъ другу горло; выведите ихъ хотя на улицу, что бы избавить только меня изъ такой негодной

Историн. Боже мой! продолжала она, слышите ли вы эшонъ шумъ, конечно они уже дерутся: дай Небо, что бы они хотя волосной схваткой были довольны, и что бы расчетъ ихъ на однихъ только зубахъ кончился. При сихъ словахъ мы немедленно туда бросились; а миролюбивая красавица бѣгучи за нами упрасивала насъ, что бы мы вывели ихъ только изъ ея комнаты, и оставили бы на волю ихъ бѣшенству. Кого бы ты думалъ увидѣлъ я въ ея комнатѣ? Г. Прилрыж-кина и стариннаго моего знакомаго по кофейному дому *Витродука*, который, ежели ты согласишься, обѣщалъ меня сводить къ своей любезной шепушкѣ, для познанія различныхъ Парижскихъ модныхъ дурачествъ, которыхъ ея шуаленіе можетъ назваться истиннымъ барометромъ.

Знаешь ли ты, кричалъ Прилрыж-кинъ, не примѣчая насъ, такъ же какъ и его товарищъ, знаешь ли ты, мой мѣлкой господчикъ, что она принадле- житъ одному мнѣ по всѣмъ денежнымъ

правамъ волокишнаго рыцарства. Знаешь ли ты, что я имѣю честь разоряться для этой богини, и что цѣлый городъ разумѣетъ ее моею фавориткою: а ты смѣлъ войти въ ея комнаты, въ конорыхъ всякая доска, всякой стулъ, и всякое зеркало, стояишь мнѣ наличныхъ денегъ или хорошихъ векселей, и въ которыя каждой мой приходъ опустошаетъ въ моихъ деревняхъ, по крайней мѣрѣ, два или три крестьянскихъ дома.... Тфу къ чорну! вскричалъ *Витродуиъ*, ты насказалъ мнѣ такія права, которыя и всякаго Юриспруденца приведутъ въ тупикъ; однакожь знай, мой господинъ! что у насъ военныхъ людей совсѣмъ другіе законы: у насъ позволено съ соперниками воевать и брать крѣпости приступомъ, деньгами и хитростию: и пошъ только остается правымъ, кто въ силахъ чемъ завладѣть; а какъ у меня теперь денегъ нѣтъ, для того, что я еще подъ опекою; приступомъ же брать мнѣ не хотѣлось тебя без-

покоить; а при томъ боялся я, чтобъ нашимъ сраженіемъ не надѣлать вреда здѣшней крѣпости, которая, я не хочу, чтобъ что нибудь претерпѣла: то для того и рѣшился я засѣсть въ ней закрытымъ образомъ, и пользоваться ею до тѣхъ поръ, пока мнѣ вздумается, ожидая спокойно своего отступленія; или когда я получу деньги, тогда открою свою батарею, которая, не думаю, чтобъ уступила твоей въ изобиліи зарядовъ. Вотъ пріятель мой! какое мое право; я опять напоминаю тебѣ, что въ войнѣ право хитраго и право сильнаго равно уважаются; но когда уже дьявольскимъ видно къ тебѣ благоволеніемъ сдѣлалась открытая засадная моя батарея, то знай, что я до послѣдняго своего или твоего зуба не уступлю мѣста сраженія. — Пересмѣхивайтесь, государи мои! вскричалъ мой хозяинъ, вы заводите здѣсь такой шумъ и крикъ, что перепревожали всѣхъ честныхъ людей въ домъ. — Это точная правда, сказалъ я, постыдитесь сдѣлать изъ

себя исторію: воля ваша, мы не дадимъ вамъ шумѣть, и если вы не перестанете изъ уваженія къ вашей красавицѣ, то перестаньте хотя изъ уваженія къ Полиціи, которая конечно не преминетъ вмѣшаться въ ваше дѣло, и надѣлаетъ вамъ много стыда, хлопотъ и убытковъ.

Браво! вскричалъ *Припрыжкинъ*, браво пріятель! ты уже нынѣ проповѣдуешь! Тфу къ чорту! только надобно тебѣ быть Архи-Цицерономъ, чтобъ утишить мой гнѣвъ на этого повѣсу. — Какъ! я повѣса? вскричалъ *Вѣтродумъ*. Ахъ! ты закулисной бродяга! Можешь ли ты сказать благородному человѣку, который за оскорбленіе своей чести можетъ съ тобою очень исправно раздѣлаться шпагою, палкою и кулаками. — О! мой любезной, сказалъ *Припрыжкинъ*, когда дѣло дойдетъ до драки, то я докажу тебѣ, что и я никакому негодяю спины не подставляю; увидимъ, кто изъ насъ трусъ! Жаль только, что я теперь во фракъ: а то, въ сію же минуту

отпустилъ бы тебѣ за обезчещеніе
 моей особы и моего достоинства,
 твоимъ къ *Маринѣ* посѣщеніемъ; но
 завтра! завтра въ шесть часовъ по-
 ушурю, еслили ты честной человѣкъ,
 то приѣзжай въ улицу *Мотожитову*, и
 спроси собственннй домъ *Припрыж-
 кина*, гдѣ найдешь меня и мою шпагу
 къ твоимъ услугамъ; а поле сраженія
 можешь ты выбрать, гдѣ тебѣ угодно.
 Увидимъ, голый мой господчикъ! какъ
 хорошо расплачиваешься ты за по-
 стоялое, безъ вѣдома хозяина.... Ба!
 чортъ меня возьми, вскричалъ онъ,
 схватя его за руку, вошь мой пер-
 стень, кошорый подарилъ я этой не-
 годяйкѣ; да вошь и пряжки, копорыя
 выпросила она у меня своему брашу:
 прекрасно, господинъ голякъ! пре-
 красно! продолжай жить на счетъ
 честныхъ людей, еслили тебѣ уда-
 стся; а ты, моя красавица!.... Ба!
 вошь хорошо! эша плутовка, для со-
 блюденія добраго порядка, изволь
 лежать въ обморокъ: ей! ей! не худо
 выдуманно! обманщица театральная!

она знаетъ мою слабость: вотъ по самое положеніе, которымъ въ первый разъ она меня плѣнила: она была моимъ божествомъ! да и теперь посмотрите, посмотрите, какъ она прекрасна! право надобно ей помочь. Ну, господинъ подлипала! прощай, завтра мы съ тобою увидимся. — Прощай, сказалъ *Вѣтродуиъ*, завтра расквитаюсь я съ тобою за перстень и за все, если мнѣ удастся: послѣ этого ты, можетъ быть, будешь учтивѣе съ людьми, которые не нарушая правилъ благоприспособленности, живутъ на швей счеѣ; на твоей же деньги, продолжалъ онъ съ насмѣшкою, запасусь я сего дня добрымъ булатомъ, и завтра буду имѣть честь поподчивать тебя своимъ собственнымъ добромъ..... Но что я вижу! вскричалъ онъ проходя мимо меня, спаринной мой пріятель! какимъ образомъ ты здѣсь? не вкладчикомъ ли ты въ здѣшнюю обитель? — Нѣтъ, отвѣчалъ я, я пришолъ васъ разнять и укрошить, ежели можно, вашу

ссору. — Браво! воинъ прямо духовное наиѣреніе! очень хорошо! прекрасно! заигра мы съ нимъ пощекочимъ немного другъ друга шпагами; а послѣ заигра можешь ны быть у насъ посредникомъ въ нашемъ перемиріи. — Послѣ сего онъ, какъ стрѣла, вылетѣлъ изъ комнаты, и оставилъ меня удивляться введенному между людьми дурачеству, не иначе заглаживать свое оскорбленіе, какъ зарѣзать другаго или дать себя зарѣзать. — Но возвратимся къ нашей повѣсти.

Господа мирители! сказалъ *Припрыжкинъ*, я прошу васъ со мною здѣсь опужинашь: это послѣдней сполъ, которой даю я въ этихъ комнатахъ моимъ пріятелямъ: съ нынѣшняго дня не будетъ здѣсь нога моя. . . . Но посмотрите, какъ прелестна эта плутовка въ обморокъ! однакожь я ее болѣе не люблю: желалъ бы я только знашь, сыщетсяли хотя одинъ смертной, которой бы усердиѣ меня захотѣлъ для нее раззоряшья. . . . Негодяйка! за все это она не щадитъ

моего добраго имени въ городѣ, и хочеть, чпюбѣ меня называли содержа-телемъ, можепѣ бытъ, цѣлой толпы ея обожателей, изъ коихъ я ни одного съ роду въ глаза не видывалъ. Посмотримъ, какъ она безъ меня будетъ жить; но мнѣ хочется сдѣлать ей послѣднюю нечаянность. Послѣ сего снялъ онъ съ руки своей бриліантовой перстень, и надѣлъ на ея руку: а часы свои вынувъ зашнуръ ей за поясъ. — Я добродушенъ, сказалъ онъ, и въ самой размолвкѣ хочу съ ней разстаться, какъ щедрой человекъ. Потомъ постарались мы подать ей помощь, и она не имѣла трудности ожить, не бывъ ни минушы мертвою.

Ахъ, любезной *Припрыжкинѣ*! сказала она помнымъ голосомъ, открыва глаза, такъ я никогда уже болѣе съ тобою не увижусь; ты ушелъ, о небо! насъ могли съ тобою поссорить, когда я передъ тобою такъ невинна, какъ трехлѣтній младенецъ, и выговоря сіе закрыла платкомъ свои глаза. — Вотъ, подумалъ я самъ въ

себѣ, искусная Актриса. — Какъ! ты невинна, сказалъ *Пристрыжикъ*, или думаешь ты моя голубка, что доказательство твоей измѣны несправедливо? — Вѣрю, что ты могъ ими ослѣпиться; но всебѣмъ тѣмъ совесть моя меня не укоряетъ: сердце мое укоряетъ меня только въ томъ, что я не умѣла сохранить твоей къ себѣ довѣренности. — Посмотримъ, посмотримъ, плутовка! сказалъ онъ взявъ ее за руку, чѣмъ ты можешь оправдаться. Ну, напримеръ: эпопъ повѣса *Внтродуиъ* къ какой стаии запрягся за занавѣсъ твоей постели? какая невинная причина заставила тебя отдать ему мой перстень и пряжки? и кошорая изъ семи добродѣтелей побудила тебя держать его у себя тайно при дни, о чемъ я недавно провѣдалъ? — Неблагодарной! сказала неапральная Лукреція, самое то, что ты считаешь знакомъ моей невѣрности, есть опытъ жаркой моей къ тебѣ любви: знай, что эпопъ *Внтродуиъ* хотѣлъ съ тобою драться

за то, что ты отбиваешь отъ него
всѣхъ женщинъ, за кими онъ машетъ;
я примѣтя, что онъ въ меня влюб-
ленъ, захотѣла польстить ему на-
деждою, пока не пройдетъ въ немъ
охота драться, и для того старалась
продержать его у себя при дни, послѣ
коихъ онъ такъ много потерялъ своей
бодрости, что и курейка бы не про-
нулъ; но я увѣряю тебя, что онъ
былъ здѣсь въ такомъ же воздержан-
нѣ, какъ въ монастырѣ; что же до
пряжекъ и перстня касается, то
имѣя нужду въ деньгахъ, и не желая
тебя беспокоить, (ибо клянусь тебѣ,
что люблю тебя не изъ корысти)
продала я ему эти мѣлочи; наконецъ
не долго мнѣ оправдаться и въ по-
слѣднемъ поступкѣ: онъ зашелъ ко
мнѣ сего дня, желая убѣдить мою
суровость, и лишь только сѣлъ, какъ
ты пришелъ: признаюсь, что зная
твой ревнивой нравъ, я не хотѣла,
что бы вы встрѣтились, и для того
спрянула его за занавѣсъ. Вотъ всѣ

мои преступленія: будь теперь самъ моимъ судьей. — Божусь, вскричалъ *Припрыжкинъ*, что эта плутовка въ самомъ дѣлѣ невинна; помиримся же моя милая! признаюсь, что я самъ передъ тобою виноватъ, какъ собака. То правда, что я ревнивъ; но это отъ того, что люблю тебя очень много: однакъ ужъ увѣряю тебя, что еспли ты меня простишь, то съ сего времени моя ревность не нанесетъ тебѣ никакого безпокойства. Послѣ сего они помирились, и мы разстались съ великимъ веселіемъ. *Припрыжкинъ* просилъ меня на другой день къ себѣ, чпобъ я былъ посредникомъ въ ихъ поединкѣ; я далъ ему слово, надѣясь, что можетъ быть удержу его отъ этого дурачества, и распрощался съ нимъ, удивляясь пошачливости его къ своей театральной *Лансъ*, которая, какъ кажется, наблюдаетъ твердо правила театра, и ко всякому бываетъ равно чувствительна, кпо съ нею играютъ любовныя роли.

П И С Ь М О XLVII.

*Отъ Ондина Боренда къ волшеб-
нику Маликульмулку.*

Ничего не можетъ быть для меня страннѣе, любезный Маликульмулкѣ, какъ жадность людей къ собиранію безчисленныхъ богатствъ. Алчный къ богатству человѣкъ столь много его желаетъ, какъ будто бы никогда не долженъ онъ былъ умирать; и глядя на сундуки свои, наполненные золотомъ, онъ столь боязливъ и безпокоенъ, что всякую минуту опасается умереть, и кажется приговореннымъ къ смерти.

Не смѣшонъ ли покажется тебѣ человѣкъ, который для одной своей особы хочетъ заготовить семь сотъ тысячъ кулей хлѣба, зная, что онъ и прѣмя стами можетъ очень изобильно весь свой вѣкъ пропитаться? Искатели богатствъ, зная хорошо Ариеметтику, только сей одной задачи не умѣютъ выложить; а эта ошибка часто заставляетъ ихъ трудиться

и вдаваться въ опасности для тѣхъ лѣтъ, до которыхъ они конечно не доживутъ. Очень забавно видѣть, какъ такой человѣкъ ломаетъ себѣ голову, чѣмъ ему чрезъ десять тысячъ лѣтъ жить будетъ, и опасается, чтобъ не умереть тогда съ голоду; а такая странная и смѣшная забота столько его сокрушаетъ, что онъ не доживаетъ и восьмидесяти лѣтъ, полного человеческого вѣка. Недавно видѣлъ я самъ примѣръ такой попечительности, и думаю, что ты не наслушишь его выслушать.

На сихъ дняхъ *Нелтунъ* остановился съ своимъ дворомъ у подошвы прекраснѣйшей морской мѣли, и расположился прожить на ней нѣсколько дней. Можно сказать, что мы жили очень весело! Не проходило ни одного дня безъ новой забавы; ловля китовъ и собираніе коралловъ и лучшихъ раковинъ были украшеніемъ *Нелтунова* двора. *Оеттида* такъ же вздумала съ своими женщинами вмѣшаться въ ловлю рыбъ, и хотя *Нелтунъ* уговари-

валъ ихъ, что это можетъ быть для нихъ очень опасно; совсѣмъ шѣмъ онъ, не слушая его, захопѣли непременно начать съ ними живою войну, и сдѣлались новыми *Амазонками*; но чтобъ не вдаваться въ излишнюю опасность, то просили онъ *Нелтуна*, что бы онъ для упоминенія большихъ киповъ возмущилъ моря и произвелъ бурю: послѣ чего удобнѣе надѣялись овладѣть своими непріятелями. И такъ *Нелтунъ* въ угожденіе своей женѣ всколебалъ всѣ моря, и подвергъ опасности нѣсколько, можетъ быть, миліоновъ бѣдныхъ плавателей, только для того, что бы его жена приобрѣла имя искуснаго ловчаго рыбъ, которыхъ лѣнны ни ей ни ему никакой не было надобности. Такимъ образомъ, любезный *Малыкульмукъ*, часто забава одной особы споилъ жизни многимъ несчастнымъ, и такимъ-то образомъ одинъ изъ вашихъ героев прошелъ множество земель, разорилъ тысячу селеній, и истребилъ нѣсколько ми-

ліоновъ, какъ своихъ согражданъ, такъ и мнимыхъ непріятелей, только для того, что бы проложѣ такую кровавую дорогу за нѣсколько тысячъ верстъ отъ своего отечества, поставишь надпись: *пришелъ, видѣлъ и побѣдилъ.*

Между тѣмъ, какъ взволновавшееся море, ворочая со дна песокъ и тину, превозило нѣмыхъ своихъ обитателей, и они бѣгая по разнымъ странамъ, что бы сыскать спокойствіе, лишались силъ и зрѣнія отъ песку, которой смѣшавшись съ нашею стихіею, попадалъ имъ въ глаза, *Остидѣ* съ женщинами, въ покрытой со всѣхъ сторонъ раковинъ, выѣхала прогуливаясь на охоту, и сидѣла въ ней такъ же спокойно, какъ будто бы была самая глубокая тишина во всемъ морѣ, хотя бѣдные Триптоны правившіе лошадьми насилу могли держать возжи въ рукахъ, и проклинали пошухоньку охоту, бурю и ботинины причуды, подвергающія опасности ихъ зрѣніе и здоровье. Множество при-

дворныхъ окружали богинину раковину, и очень весело было смотрѣть, какъ они улыбались, желая показаться веселыми, и щурились отъ песку, по всеминутно въ глаза имъ попадающаго: а Богиня между тѣмъ подшучивала надъ ихъ нѣжностію, и увѣряла что ей очень спокойно сидѣть, и что она до тѣхъ поръ не возвратится домой, пока не поймаетъ хотя шести китовъ; но думаю, что придворные не съ лишкомъ радовались такой ея храбрости.

Нелтунъ и я не чувствовали сей жестокой непогоды потому, что его морскому Величеству угодно было остаться дома и приказать мнѣ быть съ собою. Съ ужасомъ ожидалъ я слѣдствій богининой забавы; ибо признаться, хотя я и морской житель, но люблю людей, не смотря на ихъ дурачества, и мнѣ очень было жаль, естли два или три кита, побѣжденные *Оетидою*, будутъ стоить жизни, можетъ быть, нѣсколькихъ тысячъ добродѣтельныхъ челоѣковъ, по не-

обходимости вдавшихся морскимъ водамъ, которые конечно того не ожидали, чтобъ пустое желаніе *Нелтунской* супруги ввергло ихъ въ такія опасности. И подлинно я не безъ причины боялся.

Едва прошло четверть часа, какъ на вершину горы, подъ которою мы были, налетѣлъ одинъ корабль и разбился на части. Бѣдные плаватели въ полминуты разнесены были волнами, одинъ изъ нихъ поспѣшнѣе всѣхъ потонулъ и упалъ къ самой подошвѣ горы. Я удивился, что онъ такъ тяжелъ; но удивленіе мое миновалось, какъ я увидѣлъ маленькой сундучокъ, наполненной золотомъ, привязанной у этого корыстолюбца на поясу. Конечно, сказалъ *Нелтунъ*, этотъ человѣкъ ожидалъ, что золото поддержитъ его на поверхности воды, и для того привязалъ онъ къ себѣ этотъ дарчикъ вмѣсто пробочной рубашки; однако надобно подать ему помощь: онъ еще живъ; поможемъ ему, я желаю, чтобъ онъ, возвращаясь

въ опечеснво, уговорилъ своихъ земляковъ, не мѣнять свою жизнь на блестящій эполтъ мѣталъ, и не надѣяться на уваженіе мое къ ихъ богатству, которымъ могутъ они иногда откупаться отъ бѣдъ на сухомъ пуши; но въ морѣ, богачу, можетъ оно служить вмѣсто камня, привязаннаго на шеѣ, и скорѣе допннуть его на морское дно. Послѣ сихъ словъ не умедлилъ онъ, нашимъ стараніемъ, возвратитъ жизнь и продолжитъ ее на нѣсколько времени сему полезному члену свѣща, который, какъ потомъ мы узнали, ѣздилъ по всѣмъ его концамъ для того, чтобъ обманывать своихъ собратій.

О! Небо, вскричалъ онъ пропирая свои глаза, гдѣ я! гдѣ мои любезныя денежки! (замѣть, что мы отпраздали отъ него ларчикъ) гдѣ душа моя!... Ахъ! все погибло!... Конечно наказалъ меня Господь за несмѣшныя грѣхи мои, и лишилъ меня того, что послѣ его, моего Создателя починалъ я вторымъ Божеснвомъ, и для чего

всякой день многогрѣшная душа моя пресступала *Десятослове!* — Мнѣ кажется, что ты очень честнаго нрава, сказалъ ему *Иелтунѣ*, и безъ обвиняковъ сказать, ты по справедливости претерпѣлъ кораблекрушеніе. — Въ Священномъ Писаніи написано, отвѣчалъ нашъ законникъ, что безъ воли Божіей не погибнетъ и власъ со главы человѣческой: а какъ золото дороже нашихъ окаянныхъ волосовъ, то конечно Ему угодно было лишитъ меня семи сотъ тысячъ наличными золотыми деньгами. Признаюсь, что я грѣшенъ передъ Нимъ; но такое наказаніе превосходитъ мѣру и самыхъ тягчайшихъ грѣховъ. — Не печалься о твоёмъ сокровищѣ, сказалъ *Иелтунѣ*, я могу тебѣ его возвратить; но скажи мнѣ, не уже ли оно тебѣ, и всѣмъ подобнымъ тебѣ, дороже жизни, что вы ею жертвуете для нѣсколькихъ ящичковъ эшаго металла, который, можетъ быть, по одному только предразсужденію предпочпенъ желѣзу. — Ахъ! милостивый государь, вскричалъ

обрадованный сребролюбецъ, надобно
 только заглянуть въ большой свѣтъ,
 чтобъ увидѣть, сколь много обожаемо
 въ немъ золото: умъ, дарованіе и
 доброе сердце, все оно собою замѣ-
 няетъ: человекъ одаренный симъ ме-
 талломъ отъ всѣхъ уважается въ свѣ-
 тѣ: его боятся бѣдные, и ему покла-
 няются знатные. Но милостивый
 государь! не морите меня долѣе, воз-
 вращите мнѣ мое сокровище, и ска-
 жите, въ которую сторону долженъ
 я отправиться къ моему опечеству. . . .
 Ахъ! сколь обрадую я мою бѣдную
 жену и дѣтей, которые конечно
 умрутъ съ печали, когда узнаютъ,
 что я претерпѣлъ кораблекрушеніе. . . .
 Сколь обрадуюсь и я самъ, когда воз-
 вращаясь домой облобызаю мои любез-
 ные, мои милые сундуки, въ которыхъ
 осталась замкнута и запечатана луч-
 шая часть души моей! тогда-то прямо
 почувствую я райское удовольствіе!
 и общаюсь, на радостяхъ, отслу-
 жить молебнъ всѣмъ святымъ, на-
 кормить человекъ пять нищихъ,

и угоспнишь великолѣпнымъ столомъ
человѣкъ десять знатныхъ. — Но не
уже ли, спрашивалъ у него *Иелтунъ*,
почишаешь ты болѣе въ шомъ добро-
дѣтели, чтобъ изобилыиѣ накормить
знатныхъ, нежели нищихъ? — Хотя
это усердіе, отивчалъ онъ, и не со-
всѣмъ спасительно для вѣчности; но
для временнаго блаженства ничего
нѣтъ сего полезнѣе: нищихъ моливы
ходатайствуютъ у Царя небеснаго за
грѣшныхъ, подпадающихъ мукъ вѣч-
ной; а моливы знатныхъ ходатай-
ствуютъ у Царей земныхъ за грѣш-
ныхъ, подпадающихъ своими грѣхами
истязаніямъ временнымъ. И такъ,
милосливый Государь! обое равно по-
лезно; ибо и богатство есть даръ
Божій, писано бо есть, что въ десницѣ
Его спасеніе небесное, *еѡ шунцѣ же*
его богатство и тествъ: такъ осмѣ-
лился ли кто изъ бранныхъ человѣ-
ковъ пренебрегать и *шунцею* Созда-
телевой, заливающей щедроты свои
на грѣшныхъ человѣковъ чрезъ вель-
можъ, кои нѣкоторымъ образомъ мо-

гупѣ назваться *шуйцею* Его; ибо они на землѣ управляющѣ богатствомъ и чеснѣю; почему угощая ихъ, отдаю я почтеніе *шуйцѣ*, о которой, какъ я грѣшныи, такъ и многіе мои собратія болѣе пекутся, нежели о *десницѣ*, и которой не рѣдко мы въ лицѣ вельможъ, десятиною нашихъ грѣшныхъ приобрѣтеній воздаемъ жерпѣву. — Прекрасно! господинъ жерпѣвоприноситель, сказалъ ему *Иезекииль*, ты думаешь, что принеся такую жерпѣву, ты уже совсѣмъ очистился въ своей совѣсти? Но видно, что судьба справедливѣе вашихъ вельможъ: она наказала тебя за твои неправедныя приобрѣтенія и загладила пошворство къ тебѣ твоихъ покровителей: видишь ли ты, что она не уважаетъ богатыхъ плутовъ! — Ахъ! милостивый государь! вскричалъ онъ, я твердо помню, что *богатый не увидетъ въ Царство небесное*: но всякой человѣкъ есть червь передъ Господомъ, и никто кромѣ Его не можетъ назваться богатымъ; такъ я ли, имѣющій не болѣе

двухъ миліоновъ рублей, могу себя таковымъ почесать? Хотя и неправдою приобрѣлъ я свое имѣніе, каюсь въ томъ передъ Богомъ; но не уже ли сравниюсь я въ грѣхахъ съ тѣми, которые неправдами и грабежами приобрѣтали по тридцати миліоновъ! увы! я еще сущей передъ ними младенецъ: согрѣшилъ, можетъ быть, и я окаянный; раззорилъ на свою долю душъ съ шесць сотъ; но можетъ ли это итти въ сравненіе съ тѣмъ, что иногда одинъ искашель земныхъ сокровищъ раззоряетъ многія тысячи людей, для приобретенія новыхъ доходовъ, кои, о! нестерпимый грѣхъ! онъ же еще и расточаетъ, и предается тѣмъ безкорыстному грѣху, который по изустнымъ сказаніямъ нашихъ предковъ, есть самый тяжкій грѣхъ на свѣтѣ: я же могу похвалиться, что сему грѣху непричастенъ, и могу найти въ томъ себѣ много поварихъ, какъ за счеками, такъ и за краснымъ сукномъ, которые ни грѣховъ ни добродѣтелей безъ корысти не дѣлаютъ. —

Но какую корысть, спросилъ у него *Нелтунъ*, получаешь ты отъ своихъ грѣховъ, когда по твоимъ же словамъ, мы не пользуемся своимъ золотомъ, держа его въ заключеніи, и бывъ при всемъ своемъ богатствѣ такъ же бѣденъ, какъ послѣдній нищій. — Ахъ! милосливый Государь! вскричалъ скупяга, хотя для себя, для моей жены, и для дѣтей не пращу я излишнихъ денегъ; но это дѣлаю я не изъ скупости, а для ихъ же пользы, желая, чѣмъ нибудь мое хотя нѣсколько утѣшило ихъ послѣ моей смерти: они бѣдняжки такъ много, такъ много меня любятъ, какъ я золото, которое почитаю какъ вѣщаго самого себя, и хочу его вмѣсто себя имъ оставить послѣ смерти. Я увѣренъ, что бѣдная моя жена и дѣти конечно мнѣ будутъ благодарны, когда я умру, за всѣ труды понесенные мною: не для себя, но для нихъ; ибо я самъ (сказалъ онъ заплакавъ) конечно долженъ буду со временемъ расстаться съ моими денежками, и оставишь родныхъ своихъ по себѣ

наслѣдникамъ. — Посмотримъ, сказалъ *Деспотъ*, такъ ли они благодарны, какъ ты думаешь? — Послѣ сего ударилъ онъ своею острогою въ стѣну и превратилъ ее въ зеркало. Смотри, говорилъ онъ скупцу, и утѣшайся видя, для кого собралъ ты свое сокровище, и для кого подвергалъ столько разъ жизнь свою опасности.

Едва скупецъ взглянулъ на зеркало, какъ, увидѣвъ свою любезную супругу, сидящую очень дружески съ молодымъ офицеромъ, кошорому отдавала она мѣшокъ съ золотыми деньгами. — О Боже мой! вскричалъ купецъ, что я вижу! шакъ! это злодѣйка моя жена! не бояся ни Бога ни меня, отдаетъ она потомъ и грѣхами нажитые мои деньги какому-то проклятому подлипалъ за то, что онъ осквернилъ мою честь. Неблагодарная! беззаконница! ты не щадишь своей непорочности, и что всего законопреступнѣе, не щадишь и моихъ денегъ. Посмотри, когда я приѣду, посмотри, чѣмъ-то ты можешь оправдаться?

Ахъ! естлибъ я слышалъ шеперь швои проклятые разговоры. — *Целтунъ* ударилъ острогою по зеркалу, и въ ту минушу услышали мы рѣчи дѣйствующицкѣ лицѣ. — Возьми, любезной *Вѣтро-дуиъ*, говорила благочеспивая половина нашего гостя, возьми сіе въ знакѣ моей къ тебѣ любви, и будь увѣренъ, что я всѣ способы употреблю, содержать тебя въ лучшемъ состояніи, доколѣ не выдешь ты изъ подъ опеки. — Ахъ сударыня! вскричалъ подлинала, вся моя горячность мала въ заплану за такую щедрость..... Обожанія достойная женщина! сколь я сожалѣю, что не могу вѣчно обладать шобою; но твой мужъ!..... увы! меня страшниѣ подчувствіе, что онъ скоро возвратишся. — Не опасайся мой любезной! говорила она, мужъ мой шаккой жадной къ богатству человекъ, что конечно дополѣ будешъ гоняшся за нимъ по морямъ, доколѣ не пошонетъ, и я уже надѣюсь, что небо давно услыша мои шеплыя молитвы, сослало

его на дно морское за то мученіе, которое терпѣла я отъ его ревности и скупости. . . . Ты не повѣришь, душа моя! какой это скряга! онъ всякую полушку цѣнитъ дороже своей жены: сколько ни припвоялась я, что его люблю; но за всѣ мои ласки получала отъ него одно только увѣщаніе, что роскошь противна Богу. Чтобъ лукавой его взялъ и съ его нравоученіемъ! но благодаря Бога, вотъ уже три года, какъ онъ наскуча обманывать въ торговлѣ однихъ своихъ земляковъ, вздумалъ обманывать весь свѣтъ, и поѣхалъ на кораблѣ, въ намѣреніи плутовствомъ своимъ перещеголять самыхъ безбожныхъ купцовъ въ свѣтѣ. Онъ оставилъ здѣсь два миліона наличныхъ денегъ, и хотя они запечатаны; но желаніе женщины трудно удержатъ печатью, и я смѣло сорвала ее на другой же день его отъѣзда. — Прекрасно! вскричалъ *Вѣтро-дуиъ*, я радуюсь, что и въ вашемъ состояніи начинаешь искореняться природный страхъ къ мужьямъ, и что

женщины всего свѣта наконецъ утвер-
дятъ приговоръ, чтобъ жена была
главою мужу, а не мужъ женѣ. — Ахъ!
сказала добросовѣстная хозяйка, до-
рого намъ достается за это желаніе;
что до моего чудака, то онъ твердо
придерживается писанія, и ни на во-
лосъ не хочетъ уступить мнѣ власти,
а особливо надъ сундуками: и еслили
онъ узнаетъ, что я безъ его вѣдома
вздумала вступить въ управленіе рас-
ходовъ, то конечно самымъ подлымъ
образомъ со мною раздѣлается; одна-
кожь благодаря моей хитрости, я уже
давно выдумала способъ его обмануть,
которой состоитъ въ томъ, чтобъ
взвести на воровъ свои поступки. . . .
Такъ, душа моя! и я немного передѣ-
лимъ солгу: ты этотъ воръ! ты по-
хищитель моего сердца! но я не
могу иначе тебя наказать, какъ моими
пламенными поцѣлуями. — О безбож-
ница! вскричалъ скупецъ, смотря въ
бѣшенствѣ на ихъ ласки, которыя зер-
кало показывало безъ всякой утайки,
и которыми можно бы было раздра-

жить и самого холоднокрснѣйшаго мужа..... О варварка! вошѣ какая благодарность за все мое попеченіе, что бы оставить тебя по себѣ богатую вдовою!... Веселись, веселись, умноженіемъ моихъ наслѣдниковъ: скоро приберуся я къ тебѣ, и всякой сучокъ моихъ роговъ на тебѣ вымѣщу.... Почтенный ворожея! сказалъ онъ оборонясь къ *Нестуну*, пожалуй покажи мнѣ поскорѣе мою кладовую: я хочу видѣть, сколько эша беззаконница грѣшна передо мною; пусть за прикованные мнѣ рога отвѣчаютъ она передъ Богомъ; но за мое любезное золото я самъ съ нею управлюсь. — Въ тужъ минуту, по его желанію, зеркало представило его кладовую, наполненную сундуками и мѣшками. Онъ оцепенѣвъ взглянувъ на нее; а мы увидѣли новое зрѣлище.

Два молодые повѣсы съ распрепанными волосами разламывали сундуки и кидали въ окно къ претѣму деньги. — О Небо! вскричалъ снарики, это мои исчадія! это мои дѣти; вошѣ какъ

они мучаѣ родителя своего! вотъ для кого собиралъ я свое богатство! — Въ минуѣ слышали мы ихъ разговоры. — Пспѣшимъ, дорогой *Разератъ*! опорожниѣ эѣотъ сундукъ, говорилъ меньшей большому, пока наша матушка занимается своимъ госпемъ: иначе очень будетъ худо, еѣли насъ здѣсь заспануѣ: она не преминетъ и свои и наши похищенія, всѣ батюшкѣ взвесити на насъ. — Тфу, кѣ чорту! вскричалъ другой братъ, не уже ли ты думаешь, что батюшка нашъ проживетъ *Ардовы* вѣки; я такъ, право думаю, что уже онъ давно отправился на тотъ свѣтъ, и матушка только для того намъ говоритъ, что онъ еще живъ, что бы пользоваться его деньгами, которыя она начинаетъ дѣлать по поламъ съ нами: и еѣли разсудитъ, то мы всѣ правы, не выключая и нашей любезной матушки. Скажи пожалуй, можно ли кому нибудъ поступать суровѣ съ своими домашними, какъ поступаетъ нашъ батюшка? Видалъ ли кто, что бы женѣ

своей не давать ни полушки? не значитъ ли это, подвергать честь ея опасности? Но что и еще страннѣе, видалъ ли кто, чтобъ дѣтей записавъ въ службу, не давать имъ денегъ на порядочное содержаніе, и для приобретенія покровителей и друзей? Не дивно, что до его отбѣзда не получали мы ни малѣйшаго повышенія въ чинахъ; а безъ него вся наша служба приняла иной видъ: наши сполы и подарки пославали насъ въ списокъ ревностнѣйшихъ сыновъ отечества, и я ручаюсь, что если онъ еще помедлитъ нѣсколько лѣтъ своимъ возвращеніемъ, то застанетъ насъ въ такихъ чинахъ, которые принесутъ честь всему нашему поколѣнію, и онъ самъ будетъ имѣть удовольствіе найти въ своихъ сынкахъ, покровителей всѣмъ своимъ тяжбамъ, откупамъ и подрядамъ, которыхъ у него всегда великое множество; а между тѣмъ, можетъ быть, онъ и подлинно волею или неволею распался съ здѣшнимъ свѣтомъ. И такъ, поспѣшимъ выпере-

дить матушку въ очищеніи сундуковъ,
 чпобъ послѣ при раздѣлѣ не оспарься
 намъ въ накладѣ. — О! я не думаю
 этого, отвѣчалъ старшій братъ,
 чпобъ кто нибудь изъ насъ былъ въ на-
 кладѣ, выключая только нашу сестру,
 которая одна не вмѣшивается въ наши
 издержки, и живетъ скромнѣе всѣхъ
 въ нашей семьѣ: а все это отъ того,
 что воспитана вмѣстѣ съ старухами
 въ невѣжествѣ: бѣдная дѣвушка! она
 страшится вѣчныхъ мукъ за всякое
 излишнее выговоренное слово, и жи-
 ветъ въ своей комнатѣ, какъ мона-
 хиня: пусть ее скромничае! она
 когда нибудь раскается въ своемъ воз-
 держаніи. — О! окаленные, вскричалъ
 чадолюбивый отецъ, они же еще и
 смѣются надъ моею бѣдною дочерью,
 которая, какъ видно, одна только
 достойна назваться моимъ опродѣ-
 емъ.... Покажите, господинъ ворожея!
 покажите мнѣ ее, чпобъ я могъ хотя
 на минуточку полюбоваться, и по-
 томъ въ награжденіе за ея невинность,
 возвращаясь домой, вырвать изъ рукъ

Беззаконниковъ Божій даръ, и ее одну сдѣлашь владѣтельницаю всего моего имѣнія. — Въ ту самую минуту увидѣли мы комнату, въ которой сидѣла его дочь. — Такъ, вскричалъ спарикъ, вотъ истинное опродѣе ея бабки, а моей покойницы матери!... Я познаю ея добродѣтель по сей лампадѣ, горящей въ углу предъ образами! — И подавши дочь его съ скромнымъ видомъ сидѣла за толстою книгою, которую почилавъ нѣсколько, выслала: она всѣхъ женщинъ изъ комнаты, подъ видомъ, что хочетъ спать: и лишь только женщины отъ нее вышли и она заперлась, какъ влѣзъ къ ней въ окошко тотъ же самый *Вѣтродумъ*, который недавно былъ у ея матери. — Что это! вскричалъ купецъ, за чѣмъ этотъ повѣса пришелъ къ моему любезному дитяти? Не ограбить ли онъ ее хочетъ? — Но *Вѣтродумъ* скоро доказалъ, что онъ изъ числа тѣхъ воровъ, которые грабятъ дѣвушекъ съ ихъ позволенія. — Ахъ! любезной *Вѣтродумъ*! сказала скромная дѣвушка,

къ чему ты меня принуждаешь? Я не въ силахъ покуситься на твои соблазнительныя убѣжденія: бабушка моя всякой день мнѣ говаривала, указывая на эти образа, что они увидятъ, естъли я хотя мало что сдѣлаю дурное; а ты хочешь такъ меня остыдить. — Ахъ! жестокая, вскричалъ *Вѣтродумъ*, такъ я вижу, что ты не вѣришь никакимъ увѣреніямъ о моей любви!... Постой же! я въ минуту тебѣ докажу, сколь я тобою страстенъ. Сказавъ сіе, выхватилъ онъ ножикъ и хотѣлъ зарѣзаться. — Ахъ! вскричала невинница, ахъ! *Вѣтродумъ*! ты хочешь меня и себя погубить.... Постой!... Дай хотя мнѣ загасить лампаду, чтобъ не сбылись бабушкины слова. — Послѣ сего она встала, и подошедъ со скромнымъ видомъ загасила лампаду, и въ комнатѣ вдругъ такъ стало темно, что мы ни зги разсмотрѣть не могли. — Ну, мой другъ! сказалъ *Целтунъ*, еще ли ты думаешь, что твое богатство приноситъ тебѣ хорошіе плоды? —

Ахѣ! милостивый государь! вскричалѣ скупецѣ, пустише, пустише меня вырвать его изѣ недостойныхѣ ихѣ рукѣ. Поставьте меня поскорѣе пуда; я въ микушу отберу отѣ нихѣ всѣ мои денежки и убѣгу съ ними въ пустыню: тамѣ выкопаю двѣ ямы, и въ одной закопаю мое сокровище, а въ другой подѣ закопаюсь самѣ.

П И С Ь М О XLVIII

*Кѣ Емледоклу отѣ волшебника
Маликулбмулка.*

Изѣ всѣхѣ доказательствѣ, предлагаемыхѣ древними мудрецами, ни одного нѣтъ яснѣе и правдоподобнѣе того, которое предложилѣ одинѣ ученый мужѣ, что *большая часть людей злобы и развращенны.*

Развратность нынѣшняго вѣка людей, любезный *Емледоклѣ*, столь примѣтна, что она развѣ только быть можетѣ неизвѣстна въ пустыняхѣ, или въ самыхѣ отдаленнѣйшихѣ ски-

тахъ; но человѣкъ живущій въ свѣтѣ прошивъ воли своей познаетъ ихъ пороки. И самые тѣ, которые будучи удалены отъ ихъ сообщества, не могутъ видѣть ихъ злобы, не престаютъ ощущать ея дѣйствій, которыя часто достигаютъ и до самыхъ уединеннѣйшихъ кабинетовъ. Нравоученіе, предлагаемое людямъ, не что иное есть, какъ поощреніе къ исполненію ихъ должностей: какая была бы въ немъ нужда, ежели бы люди не были подвержены ежеминутному искушенію, нарушать правила чести и благопристойности? Вся исторія дѣлъ человеческихъ, отъ самаго начала свѣта, наполнена злодѣяніями, измѣнами, похищеніями, войнами и смертоубійствами.

Но правоучительныя правила должны состоять не въ пышныхъ и высокопарныхъ выраженіяхъ; а чтобъ въ короткихъ словахъ изъяснена была самая истина. Люди часто впадаютъ въ пороки и заблужденія, не отъ того, чтобъ не знали главнѣйшихъ правилъ,

по которымъ должны они располагать свои поступки, но отъ того, что они ихъ позабываютъ; а для сего-то и надлежало бы поставлять въ число благошворителей рода человѣческаго того, кто главнѣйшія правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы оныя глубже впечатлѣвались въ памяти.

Находящіеся въ срединѣ теченія своей жизни, сколь ни кажутся удивленными, что въ такое позднее время предостерегаютъ ихъ отъ пороковъ; но по претерпѣніи многихъ несчастій, и по изнуреніи своего здоровья, сами они наконецъ признаются, что сія предосторожность была для нихъ весьма нужна, и что они могли бы избавиться отъ всѣхъ бѣдствій, ежели бы заранѣе слѣдовали благоразумнымъ совѣтамъ, имъ предлагаемымъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ, любезный *Емтедоклъ*, много есть такихъ людей, которые впадаютъ въ превеликія нещастія, или приходятъ въ совершенное раззореніе, не зная или пренебрегая

тѣмъ правилѣ, которое предложено мною въ началѣ сего письма.

Не проходитъ почти ни одного дня, чтобъ не встрѣтился въ нынѣшнемъ свѣтѣ какой нибудь молодой человекъ, гордящійся полученнымъ имъ богатымъ наслѣдствомъ, который, будучи не испытанъ въ свѣтскомъ обращеніи, гоняется за утѣхами и за чинами. Онъ вступаетъ въ свѣтъ, не бывъ никому подвластенъ, и не познавъ еще ни обмана, ни злобы людей, съ которыми имѣетъ обхожденіе; онъ всѣхъ искренно любитъ, будучи увѣренъ, что и ему тѣмъ же отвѣчающъ: каждое сдѣланное ему приѣзистыѣ доставляетъ ему новое знакомство, въ которомъ думаетъ онъ найши совершенную дружбу.

Такъ же отъ времени до времени являючися многія красоты, которыя, привыкну непрестанно слышать себѣ похвалы, думаютъ, что сердце человѣческое не можетъ чувствовать никакой другой страсти, кромѣ любви. Онъ потчасъ бывають окружены без-

численнымъ множествомъ обожателей, которымъ во всемъ вѣряиѣ, потому что они имъ говоряиѣ только то, что имъ пріятно слышати. Если же кто посмотритъ на нихъ влюбленными глазами, и произнесетъ нѣсколько вздоховъ, тогда уже покажется имъ пришедшимъ въ совершенное опчаяніе.

И такъ, по справедливости, тогда долженъ былъ почтенъ полезнѣйшимъ наставникомъ, кто симъ новымъ Венерамъ, не имѣющимъ ни малаго испытанія въ свѣтѣ, часто будетъ твердить, что *большая часть людей злобы и развращены*; и кто всегда имъ будетъ напоминать, что богатство и красота есть такая добыча, за которою нынѣ весь свѣтъ гоняется, и что между всѣми тѣми, которые имъ льстяиѣ, можежъ быть, нѣтъ ни одного, который бы не старался, ихъ обманувъ и обольстя, у однихъ похищить честь, а у другихъ все имѣніе, которымъ обогаща себя, раздѣлить его съ другими подобными себѣ обманщиками.

Добродѣтель, представляемая здравому разсудку и основательному воображенію, поликія имѣетъ прелести, столь доспойна уваженія, и подкрѣпляется столь сильными доводами, что каждый испытанный человѣкъ долженъ удивляться, какъ могутъ быть въ свѣтѣ безчестные люди; и потому всѣ шѣ, коимъ неизвѣстно еще могущество спрасей и корыстолюбія, и кои никогда еще не испытали ни коварнаго обольщенія, ни гнусныхъ примѣровъ, поврежденныхъ нравовъ, ни того, съ какою легкостію люди обращающся отъ одного злодѣянія къ другому, ниже того, сколь много способствуютъ къ ихъ развращенію соблазнительные разговоры, обыкновенно думающъ находить искренность во всѣхъ сердцахъ, и откровенность на всѣхъ языкахъ.

Совсѣмъ не возможно, чтобъ люди состарѣвшіеся въ свѣтѣ не жаловались на несправедливость, вѣроломство и обманы, кошорые они отъ другихъ претерпѣли; но молодые люди обыкновенно шакковыя ихъ жалобы по-

чишаютъ пустыми роптаніями, старымъ людямъ свойственными; и для того, не взирая на всѣ дѣлаемые имъ наставленія смѣло впадають, съ ослабленною довѣренностію, въ обманчивыя сѣти нынѣшняго развращеннаго свѣта, не предвидя опасностей, въ копорыя сами себя ввергаютъ.

Легковѣріе есть обыкновенная погрѣшность не опытныхъ молодыхъ людей; а пошому и нужно бы было по часту имъ твердить, что вступаешь въ свѣтъ безъ всякой осторожности, въ надеждѣ найти въ немъ справедливостъ и чистосердечіе, есть равно, какъ бы пускаешься въ море безъ карты и безъ компаса, въ надеждѣ имѣть всегда благопріятный вѣтеръ, и найти у всякаго берега, куда ни пристанешь, спокойную пристань.

Если захотѣшь исчислять всѣ различныя причины, побуждающія людей къ несправедливости и злодѣяніямъ, то должно прежде разсмотрѣть всѣ желанія, копорыя ими обладаютъ, и кои всегда одерживаютъ

верхъ надъ добродѣтелью. Есть множество людей, у коихъ золото управляетъ всѣми поступками, и кои ничего не дѣлаютъ иначе, какъ въ надеждѣ приобрести болѣе, какимъ бы то способомъ ни было. Таковыхъ сребролюбцевъ должно почесать изъ всѣхъ порочныхъ людей гнуснѣйшими; ибо они не взирая на то, что ими всѣ гнушаются, не престаютъ обогащать себя разореніемъ другихъ, похищая у нихъ послѣднее имущество, безъ сожалѣнія.

Другіе, еще сихъ злобнѣе, провождаютъ всю жизнь свою, дѣлая ередъ другому; ибо они не могутъ спокойно взиранъ ни на чье благополучіе, и питаютъ ненависть ко всѣмъ тѣмъ, кто ихъ богачѣе и честнѣе.

Многіе есть такіе, которые хотя не столько погружены въ пороки; однакожь совсѣмъ неспособны имѣть дружбу, или какую нибудь искренность, съ кѣмъ бы то ни было.

И такъ, вошъ сколь великія предстоятъ опасности, любезный *Емле-*

доклѣ, отѣ сообщенія съ людьми нынѣшняго вѣка, отѣ коихѣ не иначе можно избавиться, какѣ соблюдая величайшую осторожность; и тотѣ, кто всегда будетѣ помнить сказанное мною въ началѣ сего письма спасительное правило, безѣ сомнѣнія, научишя заранѣе не вѣришь никакимѣ блистательнымѣ наружностямѣ, которыя мечтательнымѣ своимѣ блескомѣ ослѣпляютѣ глаза молодымѣ неиспытаннымѣ людямѣ, и не допуститѣ себя до того, чтобѣ наконецѣ собственнымѣ своимѣ опытомѣ познать всѣ бѣдствія, каковыя случаются съ тѣми, кои не знавъ сего правила, безѣ всякой осторожности впадаютѣ въ сѣти, разставляемыя предѣ ними человѣческою хитростию и коварствомѣ.

Конецѣ четвертой и послѣдней
части.